

Далия Трускиновская

Кот и крысы

Архаровцы

Даля Трускиновская

Кот и крысы

«Автор»

2005

Трускиновская Д. М.

Кот и крысы / Д. М. Трускиновская — «Автор»,
2005 — (Архаровцы)

Второй роман из цикла «Архаровцы». Николай Архаров и его молодцы должны в кратчайшие сроки отыскать в Москве банду карточных шулеров, открывших подпольное игральное заведение...

© Трускиновская Д. М., 2005

© Автор, 2005

Далия Трускиновская

Кот и крысы

Солнечным летним утром по Пречистенке неторопливо катила карета – довольно наездился вскачь за свою боевую и посольскую карьеру московский градоначальник генерал-губернатор князь Михайла Никитич Волконский. Теперь, когда вот-вот шестьдесят стукнет, он понял: надобно любить покой и иметь о самом себе достойное попечение, иначе и тот свет – не за горами.

Он был одним из тех славных генералов елизаветинской поры, что любили и умели воевать. Получив боевое крещение в турецкой войне, Волконский отличился и в войне прусской. Прусская завершилась нелепо – когда после смерти Елизаветы на престоле оказался поклонник прусского короля Фридриха император Петр Федорович, тут же было заключено перемирие – редкий случай, когда победитель вдруг ни с того ни с сего склонился перед побежденным. Князь Михайла Никитич был сильно недоволен и несколько месяцев спустя, когда обнаружился заговор против императора, вместе со своим полком конной гвардии решительно встал на сторону государевой супруги, бывшей немецкой принцессы, а ныне российской царицы Екатерины. Так Волконский оказался одним из наиболее доверенных лиц императрицы. Вот она ему под старость лет и устроила назначение – командовать большим, сумбурным и суматошливым, только что опомнившимся после чумного бунта городом.

По левую руку, почти сразу за Долгоруковским дворцом, который недавно стали перестраивать заново, показался трехэтажный особняк – бело-зеленый, с непременными колоннами, с просторным курдоннером, с большими флигелями справа и слева. Красивая кованая решетка позволяла увидеть и немалую круглую клумбу во дворе, и фасад, на котором князю более всего полюбилилось огромное полукруглое окно над колоннами – такой высоты и ширины, что хоть театр в нем устраивай на радость прохожим.

Кучер придержал коней, осторожно заставил их сделать поворот, тут же привратники, признав карету, засуетились.

Князь Волконский прибыл с неурочным визитом к обер-полицмейстеру Николаю Петровичу Архарову. Не в первый и, надо думать, не в последний раз. Но привычно подивился – куда Архарову такой домище? Жены нет, семьи нет – разве из комнаты в комнату на одной ножке скакать, как покойный государь Петр Федорович чуть ли не до тридцати лет баловался?

Надо сказать, и сам Архаров, вселившись сгоряча в сей купленный для него казной дворец, тоже недоумевал: какого черта?.. Но обратного пути не было. Матвей Воробьев как-то в трезвую минуту запретил.

– Ты государынин наказ Главной полиции читал? Вот то-то. На полицейскую службу велено определять лиц из знатных фамилий, которые не ведают денежного недостатка, чтобы могли избежать повреждения чистоты своей совести! Вот как государыня насчет взяток деликатно молвить изволила. Так что сиди, Николашка, в сем сарае и делай вид, будто и ты богат, как граф Шувалов. Авось с перепугу и поверят. Тогда коли кто и осмелится притащить барашка в бумажке, так то будет целый баран, а не то чтобы сотенкой поклониться!

Архаров кивнул. Наказа он, понятное дело, не читал. Он его слушал. На то у него был секретарь Саша Коробов из недоучившихся студентов. Читать Николай Петрович был не любитель. Да и Матвей не читал – а просто очень уж развеселила государыня своим пассажем насчет чистоты совести, вот он и был у всех на слуху.

Как будто вся Москва не знает, кто такие Архаровы, откуда взялись и сколь туго набиты у них кошельки...

Князь Волконский был встречен знакомцем – камердинером Никодимкой, которому Архаров мог бы и вовсе не платить – Никодимка прилип к нему, как банный лист к неудобному

месту, навеки. Еще в чумную пору он, оставшись один-одинешенек, поскольку покровительница его, лихая сводня Марфа, угодила в чумной барак, выбрал для себя новую опору в лице гвардейского капитан-поручика Архарова. Когда гвардеец по воле графа Орлова стал московским обер-полицмейстером, положение Никодимки переменялось к лучшему, хотя и не сразу.

– Хоть дурень, да фигурен – в потемках хорош, – сходу определил Архаров Никодимкины качества раз и навсегда. И не без оснований – Марфе, после того, как она его назвала ядреным кавалером, Архаров доверял – такая знающая толк в мужчинах проказница хилого сожителя держать не станет, а Никодимку, вернувшись из чумного барака, турнула прочь оттого, что своей сладостью наскучил.

Новой своей должностью он был отчасти обязан имени. Когда Архаров, соображая, куды бы девать Марфиного дармоеда, узнал значение его имени, то сперва было не поверил. Сам он греческого, понятное дело, не знал, а знакомый батюшка отец Никон из храма Антипы-священномученика, что на Колымажном дворе, сообщил, что имена «Николай» и «Никодим» означают одно и то же – «побеждающий народ».

– Как сие возможно? – строго спросил Архаров. Батюшка развел руками – семинарский курс греческого он давно позабыл, только про имена кое-что и помнил.

Архаров подумал, что дармоед, носящий чуть ли не одно с ним имя, не безнадёжен, но брать его на Лубянку, разумеется, не стал, а поселил у себя в доме. Тут и обнаружились в нем камердинерские таланты – умение причесать, даже побрить, было известно и ранее, а прибавилась страстная любовь к одежде. Архаровские кафтаны, мундиры, камзолы, шляпы, епанчи, штаны и чулки он прямо холил и лелеял.

Князь был приветствован поклонами и со всей приличествующей суетой задержан на несколько минут – как если бы Архаров, на манер записной щеголихи, должен был встретить гостя непременно во всеоружии свеженького кружевного наряда. Сие означало – притащился не ко времени. Может, там сейчас из хозяйской спальни скоренько девку выпроваживают, а хозяин, чертыхаясь, натягивает штаны...

Наконец князь, пройдя чередой пустых комнат, кое-где оживленных одиноким стулом или канапе, препровожден был в знакомый кабинет, где стояли большие книжные шкафы с новенькими книжками, на русском, французском и немецком языках. Архаров, зная, как обставляют свои хоромы петербургские вельможи, решил – и у него будет не хуже. И Волконский видел, что, как туда все эти волумы, из книжной лавки привезя, сгрузили, так более к ним и не прикасались – опять же, под стеклом стоят, даже пыль с них смахивать незачем.

Но только со шкафами и повезло. Прочая мебель торчала – с бору по сосенке. Шкаф-бюро для письменных занятий был, поди, старше самого Архарова, и расписан амурными картинками: голенькие нимфы едут слева направо на колеснице, в кою впряжен один-единственный лебедь, и тот – оседланный задастым купидоном. Мебель не то что в Москве – и в самом Санкт-Петербурге еще не стала обязательной принадлежностью хорошего дома. У иного вельможи, собиравшего за обеденным столом по сотне, а то и по две малознакомого дворянства, которое распознавалось у входа лакеями по наличию шпажонки, в гостиных не то что лишнего стула, а вообще никакого не водилось. Понемногу, взяв пример с государыни, господа выписывали мебель из-за границы или же растили своих мастеров. А пока предпочитали вкладывать деньги в наряды – кафтан-то, золотом шитый, при дворе наденешь, блистать в нем будешь, а резное кресло с собой туды не потащишь, следовательно, большого смысла в нем нет.

Впрочем, будь кабинет обставлен со вкусом, будь все в нем подобрано по цвету и отделке, сам хозяин смотрелся бы там чужеродным и огорчающим взор явлением. А так – вроде и ничего.

Архаров, нечесаный – прямо удивительно, что за ночь успевают натворить выющиеся волосы на человеческой башке! – зато в дорогом, лазоревом, турецкой ткани, шлафроке, с витым золотым шнуром поперек пуза, украшенным толстыми кистями, ждал князя, всем

видом являя безмятежность недавно проснувшегося человека и радушие московского барина – каковым сделался совсем недавно. Хотя трудновато ему с этакой хмурой длинноносой образиной радушие являть – так подумал князь, при всем своем жизненном опыте испытывавший при взгляде с обер-полицмейстером глаза в глаза некое беспокойство – как если бы соврал и был безмолвно прихвачен на том вранье...

Впрочем, они ладили. Оба оказались тут по решению графа Григория Орлова – когда после чумного бунта 1771 года государыня вздумала, и правильно вздумала, поменять всю московскую головку, он тут же присоветовал поставить градоначальником князя Волконского. Самому ему оставаться генерал-губернатором было не с руки – он торопился в Санкт-Петербург восстанавливать крепко пошатнувшееся фаворитское положение. Ведь до чего дошло – мало того охлаждения, которое явно показала ему государыня накануне московской чумы, устав от его проказ и дурачеств, так еще верные люди донесли – когда он в Москве обретался, бунт унимал, в Санкт-Петербурге все было готово к тому, чтобы при первой же весточке о его гибели тут же начинать служить панихиды. А вот как вернулся победителем – так и вновь был обласкан от души!

Князь был срочно вызван из Польши, где служил послом, и получил новое, несколько неожиданное назначение – взамен сбежавшего от чумы предшественника, старенького уже Петра Семеныча Салтыкова. Шестого ноября состоялась прощальная аудиенция, и в тот же вечер князь отправился принимать Москву из орловских рук. Тогда же и познакомился с мало-приятным на вид преображенцем, почти полковником, которого Орлов прежде, чем ускакать в Санкт-Петербург за почестями, представил ему московским обер-полицмейстером, с лучшими рекомендациями. Этого тоже не столько государыня, сколько он сам на новую должность определил, и тоже взамен беглеца, кинувшего чумную Москву на произвол судьбы обер-полицмейстера Юшкова.

Но граф-то умчался рапортовать государыне о победе и греться в лучах славы, а доводить дело до конца пришлось им двоим – Волконскому и Архарову. По-настоящему чума только к январю семьдесят второго угасла.

– Добро пожаловать, Михайла Никитич, заходи, садись, сейчас Никодимка кофею спроворит, – сказал Архаров. – Он не хуже царицына кофишенка наловчился.

– Как будто тебя государыня кофеем угощала... Мир дому сему, – перекрестившись на образ Николая-угодника, строго отвечал Волконский и, не садясь, сразу приступил к делу. – Николай Петрович, жалуются на тебя со всех сторон. От подчиненных твоих никому покою нет.

– Не может такого быть, – убежденно заявил Архаров. – На службе все смирны, почтительны, лишнего слова не скажут...

Тут он не врал – почтительность на Лубянке наблюдалась, а если казалась недостаточной – насаждалась строгими мерами. Полицейские – не дворянские недоросли, пришедшие служить в Преображенский полк, тут нежности вредны, а вид сжатого кулака весьма полезен. Да кулак им и привычнее галантонного обхождения – потому что те молодцы, которых привел с собой Архаров в полицейскую контору, были бывшими колодниками, ворами и грабителями, во время чумы добровольно ставших мортусами. Они искупили свои грехи тем, что подрядились очищать зачумленный город от трупов, но их будущее представлялось весьма туманным – если бы не Архаров, давший графу Орлову слово, что сделает из них полезных членов общества. Повязанные круговой порукой, они уже почти два года служили в полиции, хотя понимали службу по-своему: ради поддержания порядка сами его то и дело нарушали.

– А как за ворота – так и святых выноси, да и сам выходи, – возразил князь. – Коли где слышен крик «Архаровцы идут!» – так сие и означает: спасайся, кто может!

– Кротки, аки голуби, – уперся на своем Архаров. – А что кого по рылу смажут – так ведь за дело.

– Ворота с петель тоже за дело? – вспомнил князь давнюю историю.

– А коли на двор не пускают?

– Твоих непустишь – так они и забор снесут!

Архаров на это ничего не ответил.

– Недели не проходит, чтобы ко мне с жалобой не кидались! – продолжал князь. – Пьяные по торгам колобродят, и поди им возрази! Мы-де порядок на Москве охраняем! Одного злоумышленника тащат, а десять невинных по дороге в зубы получают – так, для остротки! А уж что с виновным у тебя на Лубянке творят – одному Господу ведомо! Твоим Шварцем мамки малых детей пугают!

– Да, Шварц у нас – черная душа, – преспокойно согласился Архаров. – Погоди, Михайла Никитич. Бывало ли такое, чтобы мне о пропаже сообщили, а мои молодцы ту пропажу не сыскали?

Он знал, что говорит.

Такого до сих пор не было.

Пропадали драгоценные оклады с образов, пропадала серебряная позолоченная посуда, кошельки и кареты, табакерки и сундуки, шпаги и свиные туши, мужья и жены. Казалось, после чумы Москва никак не опомнится – мастеровые все при деле, трудятся, воры частью расстреляны за мародерство, частью еще не успели вернуться, а какой-то страх заставляет делать совсем нелепые припасы – как будто, коли чума повторится, можно будет с выгодой продать и шпагу, и табакерку...

Пропадали – и находились. Или же являлась возможность выкупить их, возможность не совсем законная, но для многих – вполне утешительная, потому что ранее, при Юшкове, и такой не было.

Архаровцы многое распутали сами – наловчились, к тому же, знали ухватки ворья и налетчиков не по рассказам, однако и их командиру приходилось потрудиться – Николай Петрович часто выезжал на место покражи, говорил с людьми, и не раз бывало – вор сам, не дожидаясь допроса с пристрастием, винился. К самым отчаянным и неистовым посылали Шварца – слава о нем была раз во сто сильнее его сухих кулачков. В подвалы Лубянки волокли не всякого – но Москва знала, что там до правды докопаются в любом случае, там и покойник откроет уста, чтобы сообщить правду.

Вошел Никодимка с серебряным подносом, расставил на круглом столике маленький высокий кофейник, чашки на блюдцах, корзиночку плетеную с любимыми архаровскими сладкими сухариками, сахарницу и щипцы – сахар колоть. Последнее – на всякий случай, потому как хозяин кофey с сахаром как раз не жаловал. Сам остался стоять, чуть нагнувшись и напустив на красивое лицо сладкую и беспросветную дурь.

– А ты их все же придержи, – уже несколько идя на попятный, попросил князь.

Более отбиваться было незачем.

– Впредь послежу за ними, – пообещал Архаров. Так пообещал, что сразу стало ясно – по горячим следам кое-кого съездит кулаком по сусалам, кулак же у него чугунный, тем и ограничится. И все будут довольны, в том числе подвернувшийся под обер-полицмейстерскую руку – никаких тебе дурацких дознаний насчет девок, коим на задворках «Татьянки», «Ленивки», «Красилки» и «Ветошной истерии» – совсем недавно открывшегося кабака, – подолы оборвали, да насчет выпитого под запись вина, да насчет выхлестанных от широты души окон...

Князь покивал. Не первый день знал он Николая Петровича Архарова – впрочем, годами их знакомство мерить было пока рановато. Но трудились плечом к плечу, и частенько Волконский просто передавал Архарову собственноручные письма государыни, которая за московскими делами следила, – это по твоему скорее ведомству, разберись.

– А где на сей раз отметились?

– Срам сказать – в «Ленивке». Как будто трактира почище не сыскали, – огорченно сказал Волконский и вздохнул.

После этого вздоха возникла в беседе прореха.

Архаров смотрел на князя, словно видел – цель визита не только в жалобах на проказы архаровцев. Так ведь и было.

– И еще дельце, – помолчав, молвил князь. – Ты княжну Шестунову знаешь?

Архаров задумался. Княжон на Москве было – что ворон на заборах. Поди их всех упомни.

– Старая девушка, еще при государыне Анне была ко двору представлена, по сей день забыть не может.

– Так чего княжне от меня надобно?

Волконский вздохнул и наконец-то сел. Никодимка тут же налил ему горячего кофеем.

– Эта Марья Шестунова перебралась в Москву, когда ей было уж куда за тридцать. И вскоре завела себе двор, как оно московской барыне полагается – там тебе и приживалки, и ворожейки, и богомолки, и мосек целая псарня, и уроды всевозможные, но... Но объявилась в этой дикой орде воспитанница Варвара...

– «Варвара» – то бишь, варварская, иноземка, – тут же объявил Архаров, а князь кивнул – выходит, ошибки не вышло.

– Когда и откуда ее привезли – не скажу, о том княжна молчит. Ну, вырастила она девицу, впору замуж отдавать, а все при себе держит. Вот девке и восемнадцать, и девятнадцать миновало, куды ж дальше-то тянуть? Ан не отдает! И женихи хорошие были, но старая дура уперлась – нет, да и все тут.

– Так ты, Михайла Никитич, сватать меня, что ли, явился? – не понял Архаров.

– Тебя, черта такого, посватаешь!

Архаров довольно усмехнулся – знал, что об него московские свахи зубы обломали. Марфа – и та отступилась, после того, как присмотрела для него богатейшую вдову, а он и знакомиться не пожелал.

– Нет, а вышло, что утром воспитанницу в ее комнатке не нашли. Судя по всему – сбежала. И тут началось! Кабы безродная девка сбежала, княжна не свалилась бы, как подкошенная. Лежит теперь, вокруг четыре доктора, рядом в горнице молебен служат, приживалки ревмя ревут, тут же, прямо на постели, ворожейка ей карты мечет – содом и гоморра! Вот я и полагаю – неспроста княжна перебралась в Москву да девицу потом привезла. Неведомо, каких родителей она дочь, эта Варвара. Коли сама княжна оскоромилась, и то – Шестуновы чуть ли не Рюриковичи, от ярославских князей род ведут. А ведь у дитяти и батька имеется...

– Так ты, Михайла Никитич, к ней спозаранку ездил, а потом от нее – ко мне?

– Нет, у Шестуновой я вчера побывал.

– Стало быть, уж неделя, как девка пропала?

Князь, хмыкнув, покивал – ничего не поделать, вот к таким тяжеловесным и тяжелодумным мудрецам занесли его Фортуна, лихая милость Орлова и указ государыни. Чем позволить знающим людям делать дело по горячему следу – они спосылают своих бестолковых Ванюшек и Петрушек по всей родне, включая самую отдаленную, назовут полон дом ворожеек, отслужат приличное количество молебнов, проделают все, чтобы сору из дому не выносить, и лишь напоследок, когда вся Москва про их неприятность злорадно галдит, оплакивая свой срам, потащатся с бедой в полицию.

Княжна жехватила совсем высоко – адресовалась к градоначальнику. Чтобы князь Волконский уже от себя приказал обер-полицмейстеру провести дознание шито-крыто.

– Коли до сих пор не приехала, с мужем повенчанная, и не бросилась в ноги, стало, попала в беду, – сказал Волконский. – А отсутствует четыре дня, коли не врут. Пришли кого-либо из

своих, только не Шварца, я знаю, что он сыску лучше всех навычен, да только его как увидят – дворовые либо онемеют от страха, либо заикаться начнут.

– Знаешь, Михайла Никитич, как Шварц сам про себя намеренно сказал? Сказал: «Я должен быть». Да этак свысока! Мол, вы все – пустые людишки, а коли не будет Шварца с его кнutoбойцами – черта с два вы с народишком управитесь.

– По-своему черная душа права. Иной шалопаи и соберется было начудесить, а как вспомнит, что на углу Мясницкой и Лубянки сидит в подвале Рязанского подворья Шварц с кнutoбойцами, – так, глядишь, и поумнеет.

– Поумнеет, как же... – буркнул Архаров. – Хорошо, пошли к княжне сказать – пришлю человека. Пусть велит людям отвечать без утайки.

– А кофей у тебя и впрямь замечательно варят, – наконец изволил одобрить князь. – Пришли ко мне Никодимку, пусть моего Антипку поучит.

С тем встал и показал всем видом, что визит благополучно завершен. Про безобразия архаровцев более не поминал – здешнему хозяину одного слова было довольно, болтовни он не жаловал.

– Не выйдет, – возразил Архаров. – «Антипа» значит «крепкий», то есть – против всего упорный. Очень трудно ему в башку новое умение вколотить. У меня еще в полку такой Антип Кобылин был – хоть кол ему на башке теши.

– Ну хоть попытаться... Бог с тобой, Архаров, поеду я.

– С Богом.

Никодимка, счастливый от похвалы, кинулся открывать двери...

Вернулся он, когда Архаров уже отворил малую дверцу, которую за объемистым книжным шкафом, да еще в темном углу расположенную, было не углядеть.

– Вылезайте, негодяи, – велел Архаров. – Уж и не знаю, пороть вас, что ли? Придется!

Из конуры выбрались Федька Савин, Тимофей Арсеньев и Жан-Луи Клаварош. Встали перед начальством во фронт и замерли, всем видом показывая: а пори, коли твоей душеньке угодно! Особенно задорно глядел француз.

– Что там в «Ленивке» вышло?

– Ложь и клевета, ваша милость! – выкрикнул Федька.

– Тебя как ни спросишь, все ложь и клевета, – Архаров шагнул к подчиненному. – Говори, сукин сын! Не то – ты мой кулак знаешь!

И уставился Федьке в глаза.

– Государь Николай Петрович, вы вон у Никодимки спросите – подтвердит... – вставил было Тимофей.

– Он что, с вами был?! Мало того, что вы Клавароша за собой всюду таскаете, как будто француз наравне с русским пить может!..

– Барин Николай Петрович, не было меня! – возопил Никодимка. – А только что они пьяное тело привезли и в людской на полати положили...

– Какое пьяное тело?

– Мы собирались доложить, а тут его сиятельство князь пожаловали, – объяснил Федька. – Вы нас троих – сюда, а тело так там и лежит, коли не проснулось.

– И на кой мне в моем доме кабацкая пьянь?

– А вы на него взгляните, – тихо и как-то очень душевно посоветовал Федька.

Пошли глядеть. Впереди – Архаров в шлафроке и пантуфлях, придававших ему росту, за ним – рослый Федька и Клаварош, замыкали шествие степенный Тимофей и Никодимка с подносом.

В людской народу было немного – Архаров, понимая, что дворни человеку его ранга полагается не менее сотни человек, все никак не мог придумать, чем бы такое количество без-

дельников занять. Сказывалась полковая выучка – каждый в хозяйстве должен был совершать свой маневр.

Кто был – те повскакали с мест.

Тут Федька проскользнул вперед и повел начальство в угол, где за печкой, на полатах, довольно высоко, виднелось горбящееся одеяло.

– Насилу взгромоздили, – сказал Тимофей.

– А чего не на Лубянку, чего ко мне?

– А вот сейчас и увидите...

Одеяло было сдернуто, спящий спущен на пол и затем лишь разбужен брызганьем холодной воды в физиономию.

Архаров присвистнул – перед ним стоял совсем юный щеголь, лет семнадцати или восемнадцати, одетый, как картинка во французском журнале, ничего на нем российского, все привозное. Наряжен весьма богато – Архаров, мало разбираясь в кружевах и тканях, все же знал цену хотя бы широкому золотому галуну с толстыми завитками и понял, во сколько обходится подобная роскошь наряда.

Клаварош шустро оправил на щеголе полы кафтана, чтобы красиво топорщились, подергал за обшлага и манжеты, встряхнул кружево на шее и по-французски сообщил, что теперь юноша – настоящий петиметр. Но прическа петиметра смялась, букли имели жалкий вид, да и личико курносое тоже было – словно у побитого, пролившего слезы и полного раскаяния дитяти.

– Откуда ты такой взялся? – удивился Архаров.

– Где я? – жалобно спросил щеголек.

– В доме московского обер-полицмейстера, – вместо Архарова отвечал Федька.

– Они меня сыщут! – вскрикнул щеголек. – Они меня и тут сыщут!

И заметался по людской.

Архаров, не давая знака его удержать, следил за юным красавчиком с холодным любопытством.

– Чей таков? – спросил наконец у Федьки.

– Коли не врет – графа Хворостинина племянник, Вельяминов Кирила, – с немалым сомнением в голосе доложил Федька. – Но это он вчера так говорил. Сегодня, проспавшись, может, что иное скажет.

«Кирила» – стало быть, «Кирилл», а означает... Архаров вспомнил – он узнавал это, желая понять, что заложено в судьбе влиятельного семейства Разумовских. И оказалось, что граф Алексей Григорьевич, как говорили – тайный супруг бывшей государыни Елизаветы Петровны, умерший не так давно, в чумное лето, «защитник». И точно – многих в жизни по доброте своей защитил. А вот его младший брат Кирила Григорьевич, уже третий десяток лет состоящий президентом Академии наук (академии де сиянс, как прежде называли) – тот «солнце». По крайней мере, так отец Никон говорит. Тут еще можно согласиться, хотя странно... Или, если зреть в корень, «кир» по-гречески – господин. Тоже смысл имеется!

А что общего с солнцем у одуревшего недоросля? Должно же что-то быть!

– Господин Вельяминов! – громко обратился Архаров к щеголю. Тот повернулся. Архаров шагнул к нему, хмыкнул и, адресуясь к Федьке, сказал:

– Нет, не врет. Тащите недоросля ко мне!

Взрослый дворянин мужеска полу, обряженный не в мундир, а в нарядный кафтан, и встреченный не вечером в петербургской гостиной или в театре, а в Москве, не мог называться мужчиной – мужчины все служили по полкам, а этот прохладился под маменькиным крылом, как в свое время Левушка Тучков. Недоросль и есть.

Без лишних церемоний ошалевший от расстройства чувств щеголь был подхвачен под локотки, и процессия двинулась обратно: впереди, шлепая пантуфлями, Архаров, за ним –

недоросль, далее – люди, которые поволоклись следом, не желая упустить забаву. Но на подступах к кабинету Архаров обернулся и мрачно поглядел на свою дворню. Тут она и исчезла – только топоток по пустым комнатам пролетел.

Щеголя внедрили в кабинет и силком усадили в единственное кресло, откуда только что встал князь Волконский.

– Ну, сударь, говори, – велел Архаров, а Федька с Тимофеем встали к стеночке чинно и смиренно, как покорные слуги, выполнившие хозяйскую волю безупречно и в том обретшие себе награду.

Клаварош облокотился о высокую консоль – вещь в архаровском хозяйстве совершенно бесполезную, потому что нечего на нее было ставить, ни часов больших бронзовых, ни ваз он еще не завел. Француз для того ее и облюбовал, чтобы принимать картинную позу, и Архаров, подметив причуду, никогда его не одергивал. И то – позы ему удавались почище, чем иному танцмейстеру.

– Я самое несчастное в свете существо! – звонко сообщил щеголь.

– Подробнее нельзя ли?

– По земле ступать недостойн, – уже не так уверенно добавил собеседник.

– Сделай милость, сударь, растолкуй, какого черта ты по ней ступать недостойн.

Но щеголь спрятал лицо в ладони и разревелся, как дитя, скрючившись при этом в три погибели.

– Федор Игнатьич, докладывай. Никодимка, подавай одеваться, – и Архаров сделал шевельнувшемуся было Клаварошу знак ладонью: не подходи к дитяти, усмири в себе гувернера, пусть до конца вырвется.

Затем не стесняясь, потому что все тут – свои, мужики, да и какое стеснение у человека, почитай, выросшего в казарме, Архаров скинул богатый шлафрок и стянул через голову рубаху, остался в белых подштанниках. Тут же подоспел Никодимка с другой рубахой, штанами, и, усадив хозяина на стул с овальной спинкой, тоже – единственный в своем роде, рухнул на колени и стал натягивать на архаровские ноги белые чулки.

– А чего докладывать – все было просто. Мы его, ваша милость, в «Ленивке» подобрали. Сидит пьяный в зюю и с приказчиком каким-то забубенным торгуется – хочет у него кафтан купить, домотканый, а взамен перстень с руки сулит.

– Перстень где? Ну?

– Да вот он, – Федька неохотно добыл из кармана вещицу. Архаров принял ее на ладонь, изучил с нарочитым вниманием и испытующе посмотрел на рыдающего щеголя.

– Вот и мне показалось, что камушек настоящий, – сказал Федька. – Вряд ли, что шибко дорогой, но у него других на руках не было, вот те крест. А тут уж людишки какие-то подзрительные вокруг него вьются, подсаживаются, дружбу заводят. Ну мы, его, дурака, у них и отбили. Там Москва-река в двух шагах, а «Ленивка» – место известное. Обчистят, разденут донага – и в воду. Нам же потом и разбираться.

– Знаю... Отбили, значит. Вот оно что. В «Ленивке», поди, потом вышибленные зубы метлой выметали...

– Да там народишко случился какой-то суетливый, – в порядке оправдания степенно молвил Тимофей. – Сами под руку суются. Да еще этот господин идти с нами не пожелал.

– Он упирался и чушь нес, мы в него кружку мадеры влили, его развезло, – продолжал Федька. – Решили – чем на Лубянку через пол-Москвы, лучше на Пречистенку, опять же – мало ли кто его с утра отыскивать примется, так лучше, чтобы у вас тут нашли, мало ли чье чадушко...

– Да уж, чадушко, – согласился с Федькой Архаров. – Еще раз узнаю, что вы в «Ленивку» повадились, – ей-Богу, выпороть велю. И Клавароша с вами вместе.

– Так ведь для пользы дела! – воскликнул обиженный Федька.

– И выпороть – для пользы дела. Опять же, конюшню обновить надо.

Архаров совсем недавно завел свой выезд и очень им гордился. Даже без дела порой заглядывал и к лошадям, и в каретный сарай. Кучера Сеньку ему самолично князь Волконский приобрел и подарил – Сенька славился тем, что при самой отчаянной гоньбе ни одной кареты еще не опрокинул. А гоньбы обер-полицмейстеру хватало – должность такая.

Никодимка застегнул овальные пряжки башмаков, и Архаров встал.

– Ты, Федька, не дурак, а хуже дурака, – сообщил он подчиненному. – Дома, что ли, напиться нельзя? Вон полезай ко мне в третье жилье (тут он ткнул пальцем в потолок) и пей без продыху хоть неделю! Там пусто, бить некого, ломать нечего! А то от ваших проказ уже вся Москва стоном стонет!

– Так не собирались же, само вышло! – вступился за друга Тимофей. – Мы, ваша милость, тихонько посидеть хотели, без шума, ей-Богу, выпить по стопочке, закусить...

Никодимка, наслушавшийся подобных объяснений, интереса к ним более не имел. Сгребя в охапку шлафрок и рубаху, направился было из кабинета прочь, да оказался у окна и застрял.

– Барин Николай Петрович, к нам гости!

Шагнул к окну и Архаров. Очень не ко времени был бы еще один визит.

К воротам подъехала большая берлина, к которой сзади была привязана верховая лошадь, гнедая о трех белых чулках, на ней сидел мальчишка в ливрее. Кучер вступил в переговоры с дворовым мужиком, тем временем дверца открылась, и за кованой решеткой явилась долговая фигура в преображенском мундире, очень знакомая, попрыгала, разгоняя кровь, нахлобучила треуголку...

– Тучков! – воскликнул Архаров. – Никодимка, дармоед, беги, лети, зови!

Но Никодимка уже бежал, летел, мчался по ступенькам.

– Федя, забери этого страдальца, – велел Архаров. – Тащите его наверх, стул ему поставьте, да не забудьте запереть. Клаварош, ты останься.

Федька с Тимофеем подняли рыдающего Кирилу Вельяминова и, опять же под локотки, вывели на лестницу.

Никодимка доставил Левушку наверх с такой гордостью, будто сам привез его из Санкт-Петербурга сквозь ружейную пальбу и пушечный гром. И тут же вернулись Федька с Тимофеем.

Архаров встретил Левушку без внешнего восторга.

То есть, он, несомненно, был рад, очень рад – насколько вообще был способен к таким чувствам. Вот только проявить этого не умел и даже не хотел, ему казалось, что в открытых чувствах есть нечто неприличное и даже немного опасное.

Потому Архаров и смотрел сперва не в глаза молодому человеку, а себе под ноги.

– Николаша! – завопил с порога привычный к таким нежностям Левушка, раскинул объятия и рухнул на старшего друга, словно покачнувшаяся и слетевшая с невысокого постаменты статуя в полтора человеческих роста.

Был он с дороги помят, устал, но так же голосист, и тут же потребовал подавать фрыштик, гречневой каши непременно, потребовал кофею со сливками, и послал Никодимку в карету – там у него петербургские конфеты, десять фунтов конфет в нарочно купленном коробе, и, вдруг забыв про конфеты, разволновался – есть ли в архаровском особняке клавикорды. Понятное дело, их не было. Архаров даже не знал, где такое добро покупают.

Наконец ему удалось дознаться у восторженного Левушки – тот выпросился в отпуск и примчался в Москву врачевать сердечную рану. Какую именно – не сказал, и Архаров подозревал было, что виной всему юная смольнянка, исторгающая из арфы божественные звуки, но не угадал – Левушка уставился на него круглыми глазами и честно задумался: какая такая

смольнянка? Ведь это было давно, еще до похода на чумную Москву, и он тогда был так молод, делал такие дурачества! Где их все упомянуть?!

– А тебя уж вся Москва знает! – прервав бессловесную критику своей миновавшей молодости, неожиданно воскликнул Левушка. – У кого не спросишь, где дом господина Архарова, все на Пречистенку посылают!

Никодимка!

– Он на поварню побежал, – сказал Архаров. – Ты хоть обернись да на товарищей своих взгляни. Или забыл?

– Нет, я вас не забыл, – дрогнувшим голосом сказал Левушка Федьке, Тимофею и Клаварошу. – Ребята, братцы, да что же вы? Ну, давайте... давайте без чинов!

И распростер руки для объятия – сажени на полторы, не меньше. И обратился к Клаварошу с живой и взволнованной речью по-французски, из которой Архаров разобрал только, что поминалось сердце, а Клаварош назван другом.

Потом, когда удалось отвести Левушку к столу и усадить, Архаров уже знал, для чего судьба послала ему такой подарок. Отпрыск хорошего рода, взбалмошен, но при необходимости очень даже неглуп – вот кого следовало послать к старой княжне, ей будет приятно, что не черная кость ей вопросы задает, а дворянин при шпаге и известной на Москве фамилии. И при нем – ловкого Федьку. Федька все разглядит, втихомолку с бабами и санными девками потолкует.

Тут Архаров сам себе возразил, что до сих пор Федькины толковища с девками почему-то добром не кончались – как-то даже сказался больным, а потом Устин Петров проболтался, что у орелика нашего вся рожа исцарапана. Видимо, Федька, числя себя красавцем, ломился напролом. Можно послать Тимофея, можно еще кого из той когорты, что он, буквально своими руками отцепив от каторжного этапа, привел в дом на углу Мясницкой и Лубянки, сказав: до первой дури! Но Федор все-таки лучше, и не только потому, что боек.

Его, несмотря на проказы, следовало тянуть вверх. Архаров на добро был внимателен, а Федька, похоже, однажды бескорыстно спас его от малоприятной смерти – на топчане в чумном бараке. Но, поблагодарив однажды, Николай Петрович более ему об этом не напоминал. Сам помнил – а не напоминал. Считал такое неприличным.

Задумавшись, он перестал видеть и слышать, что происходит в кабинете, и только возмущенный Тимофеев матерок привел его в чувство.

Совсем ошалевший Никодимка метался по кабинету с чугунной сковородкой в руке, а на сковородке шкворчала большая, на полдюжины яиц, яичница. Притащить – притащил, через весь дом – бегом, а куда поставить, чтобы мебель не повредить, – не знал.

– Ты сдурел, – сказал ему Архаров. – Катись на поварню, и со сковородкой вместе, а господин Тучков пойдет за тобой следом, и там ты ему настоящий фрыштик спроворь, понял?

За Левушкой вымелись и архаровцы – тоже ведь еще не завтракали. Сам Архаров есть не пожелал – у него по утрам желудок просыпался с трудом, чашки кофею с сухариком на сей раз вполне хватило. Вот к вечеру желудок приходил в азарт и требовал, чтобы его ублажали. И приходилось.

В кабинете наконец стало пусто и тихо.

Архаров запустил руки в волосы, взъерошил их, постоял, чувствуя пальцами собственный череп. Ему очень не хотелось допускать до головы Никодимку. А звать другого волосочеса не желал – Никодимка хоть в такие минуты священнодействовал молча.

Длинные вьющиеся пряди вдоль щек должны были насильственно закрутиться в аккуратные букли. Сейчас же висели уныло – глядеть противно. Архаров и всегда-то был недоволен своим лицом, а с утра – тем паче, обвислое какое-то, бодрости нет. И телом был недоволен – вон как взглянул поджарый Клаварош на архаровское пузо, когда начальство стояло босиком, в одних подштанниках. Сейчас оно было убрано в длинный красный камзол, и ряд пуговиц

сверху вниз словно бы делал его незаметнее. Хотя последняя пуговка, застегнутая прямо под пузом, как раз и подчеркивала округлость, но что ж делать, раз все так носят?...

Архаров все про себя знал – некрасив, взгляд тяжелый, избыточно плотен – хотя на Москве, говорят, полноту достоинством считают, – и коротконог, на иную лошадь ему не взобраться. Потому в обществе мельтешить не желал – московские невесты, пусть и согласны под венец хоть завтра, а засмеют втихомолку. Вообще дамское общество его то пугало, то насто- раживало – как если бы зверь попал в стаю животных не своей породы.

Чаще всего женщины казались ему похожими на детей, играющих в какие-то непонятные взрослому человеку игры. Разве что Марфа несколько приближалась к его представлению о разумном существе, но Марфа немолода – было время поумнеть! И, перебрав чертову пропасть мужиков, от них немало нахваталась. Один Ванька Каин, чьей любовью всякий раз похваляется, чего стоит...

На этом месте размышлений прибыл Никодимка с тазиком, бритвой, полотенцем и прочим цирюльным прикладом. Усадил поближе к окошку, окутал пудромантелом и принялся наводить порядок. Потом прибежал с поварни мальчик, принес горячей и ледяной воды для компрессов. После бритья очень способствует свежести и цвету щек, как уверяет Никодимка. А нужна ли она свежеть в тридцать один год?

Потом Левушка, поев, потребовал, чтобы господин обер-полицмейстер тут же показал ему свои новые владения. Пришлось повести по пустым комнатам, которые нисколько петербургского гостя не удивили – он и не такое видывал. Наконец оказались в большом помещении, с которым Архаров решительно не знал, как быть. Отапливать – на дрова разоришься, а оставить осенью и зимой без тепла – зданию на пользу может не пойти.

– Ишь ты, бальная зала! – восхитился Левушка. – Послушай, а ведь тут разминаться можно!

И тут же выхватил из ножен шпагу.

– Уймись, – сказал ему Архаров, подумав при этом, что приятель прав – тут можно учить полицейских, так, чтобы без посторонних глаз, не менуэты же разводить.

Левушка попрыгал, кидаясь в свои знаменитые выпады – таких выпадов ни у кого в Преображенском полку более не было, оба бедра вытягивались в прямую линию, Левушка буквально садился на пол, еще делал движение плечом и доставал кончиком шпаги на локоть дальше, чем мог бы предположить противник.

– Поупражняемся? – предложил он.

Архаров понимал, что надо бы, давно он не сжимал шпажного эфеса, но отказался – возможно, потому, что не желал позориться.

– У меня к тебя просьба, – сказал он. – Нужно одну барыню навестить, поспрашивать. Там такое дело – воспитанница сбежала. Я этих московских чиновных старух видеть не могу – дуры, а спеси – через край.

– Думаешь, я их обожаю? У меня тетка – так больше часа вытерпеть не могу, – признался Левушка. – А она хочет, чтобы весь белый свет к ней на поклон ездил. Узнает, что я у тебя остановился, – со свету сживет.

Подумал и добавил:

– А может, и не сживет? У нее и без меня тесно.

Левушкина беззаботность, как всегда, действовала на Архарова просветляюще – плохое настроение, сгустившееся было, рассеялось.

– Стало быть, я на тебя рассчитываю. Ну, пошли.

Тимофей и Федька отправились было вместе с Левушкой – помочь принести из кареты пожитки и рассказать полицейские новости. Клаварош увязался за ними, радостно перебрасываясь с гостем французскими словечками.

– Федя, стой! – вдруг велел Архаров. – Надо твою кабацкую находку все-таки как следует допросить. Коли он сопли уж утер, тащи сюда.

Недоросля Вельяминова, и впрямь несколько уgomонившегося, вернули в архаровский кабинет.

Усадили в то же кресло. Хозяин кабинета взял стул с овальной спинкой, сам установил его напротив кресла, сел, Федька встал возле бюро.

– Ну, сударь, рассказывай, как ты в «Ленивке» оказался, – велел Архаров.

– В какой «Ленивке»? – удивился недоросль.

– Кабак так именуется, на улице того же названия.

– Самый старый на Москве, – вставил Никодимка.

– Врешь, «Под пушками» – самый старый, – тут же перебил его Федька.

– Цыц, не то обоих выставлю, – даже не оборачиваясь, прикрикнул Архаров. – Ну так как же тебя, сударь, туда занесло?

Недоросль смотрел на пряжки своих башмаков и молчал.

– Федя?

– Прятался он от кого-то, – скучным голосом доложил Федька. – Думал, наденет посконный кафтан и спрячется.

– Прятался. Похвально. Дворянин прячется в кабаке. Достойное занятие, – столь же скучно произнес Архаров.

– Я желал не посрамить чести... – совсем тихо сказал Вельяминов. – Пистолет купил... и чтобы потом не узнали...

– Мать честная, Богородица лесная! – воскликнул Архаров. – Федька, а ведь вы дурака поймали! Как есть дурак! Вам рядом с ним делать нечего! И что у тебя, сударь, за горе такое, ради которого ты Бога не побоялся, застрелиться решил? Дома у тебя блоха с печки упала?

Он кричал с умыслом – чтобы растормошить недоросля, услышать крик в ответ, а через тот крик добраться до правды. Но Вельяминов только рукой махнул.

– Стыдно ему, – подсказал Федька.

– Сам вижу. Девку обрюхатил? – тут Архаров вспомнил воспитанницу княжны Шестуновой и вмиг загорелся надеждой, что два дельца между собой увязаны. – Обрюхатить сумел, а под венец с тобой не пускают?

– Кабы девка... – прошептал Вельяминов и залился краской.

– Мне из тебя каждое слово клещами тянуть?

– А давайте, ваша милость, я в него вдругорядь кружку мадеры волью! – додумался Федька.

– Я в тебя в самого кружку дегтю волью.

Но Федькино средство, скорее всего, было единственным. Недоросль молчал, как записной вор. Архаров уж пригрозил, что пошлет за Шварцем. Безуспешно.

– Ну, хорошо. Молчишь – и молчи, – рассудил Архаров. – Федя, проводи кавалера. Выведи за ворота, убедись, что убрался.

Вельяминов вскочил.

– Я не могу! – воскликнул пылко. – Мне так нельзя!

Федькина физиономия расцвела – в допросе наметилась явственная подвижка.

– И мне нельзя, – возразил Архаров. – Держать тебя тут взаперти без причины не имею права. Ты закона не преступал, за руку не схвачен – ступай с Богом!

– Вы не можете меня выгнать!

– Отчего ж не могу? Ты в моем доме без моего ведома оказался. И недосуг мне разбираться... Ступай, сделай милость, не то прикажу – под руки выведут.

– Нет, нет, я не могу! – и недоросль длиннейшей разразился французской тирадой, в которой Архаров и Федька уловили неоднократно повторяемое слово «крюэль». То бишь, толковал о чьей-то жестокости.

Архаров понимал по-французски прескверно, а Федька кое-чего нахватался у Клавароша, но не настолько, чтобы допросы проводить. Да и по русски черта с два поймешь, когда так частят.

– Федька, тащи сюда Клавароша! – распорядился Архаров. – Пробил его час – пушай толмачит!

– С особенной охотой! – крикнул Федька и поскакал за французом наверх – туда, где обустраивался Левушка.

До явления Клавароша и обер-полицмейстер, и недоросль молчали.

– Вашей милости слуга! – сказал, входя, Клаварош.

– Переведи, что господин Вельяминов толкует.

Но господин Вельяминов, красный, как морковка, помотал головой. Клаварош любезно обратился к нему по-французски, тот сообразовал кратко ответить, Клаварош не отстал, завязалось нечто вроде беседы, и опять «крюэль», и раз примерно шесть – «тромпери», и столько же «онер», то есть – честь. Жестокость, опасность и честь – приятнейшее сочетание, особенно коли дураку на голову рухнуло.

– А знаете, Николай Петрович, что этот фаля сейчас нам преподнесет? – спросил Федька. – Он, сукин кот, объявит, что по-французски ему сподручнее, нежели по-русски.

– И совет, – отвечал Архаров. – Ты глянь, как Клаварош морщится.

Федька уже ничему не удивлялся. Раз начальство говорит – то так оно и есть. Не раз проверено!

И Архаров более не удивлялся тому, что люди, казалось бы, неглупые, не видят того на лицах, что прекрасно видит он сам. При ответах недоросля француз несколько кривился, как если бы нюхал кислятину, которую зачем-то предстоит пить. Из чего выходило, что недоросль шпарит по-французски хоть и бойко, но с ошибками.

– Его карточные шулера обобрали, – сказал, повернувшись к Архарову, Клаварош. – Завезли куда-то, новомодной игре обучили, сперва проиграл все, что при себе имел, потом дал расписки, на сколько – не хочет говорить.

Архаров и Федька быстро переглянулись.

Это был след! Долгожданный след!

– Значит, с горя и от ужаса, что расплатиться не сможет, решил застрелиться! – выкрикнул Федька. – Но какого рожна для этого тащиться в «Ленивку»?

– Боялся, что у трезвого у него на себя рука не поднимется, – предположил Архаров. – Оно не так уж глупо. Хотя на вид – дурак дураком.

Господин Вельяминов резко к нему повернулся.

– За таковое оскорбление, сударь!.. – и схватился было за то место, где у приличного человека имеется шпажный эфес. Но шпаги на боку не случилось – то ли потерял, то ли проиграл – и второе вероятнее, потому что вряд ли щеголек таскал шпажонку с дешевым эфесом, а на дорогой мошенники могли польститься.

– А это видел? – Архаров, шагнув вперед, поднес к носу Вельяминова свой знаменитый кулак. Тот и обалдел.

– Среди дворян не полагается!..

– Как еще полагается. Я этим самым кулаком господина князя Орлова так благословил – по сей день почесывается.

Орлов действительно был уже князем, и не абы каким, а Священной Римской империи. Архаров сам проследил, чтобы в Санкт-Петербург было от него отправлено достойное поздравление с его собственным росчерком внизу. Впрочем, поздравлять-то и не с чем – титул входил

в ту гору отступного, которое получил бывший фаворит от государыни – лишь бы впредь в ее дела не мешался. И кому он теперь такой нужен, чем ему заниматься – никто не знал, не ведал.

Обидно было, что в падении своем Гришка Орлов увлечет за собой и братьев, которые как раз были способны к государственной деятельности, особенно же – Алехана Орлова, к которому Архаров относился с уважением. Он сам, из гвардейцев попав в московские обер-полицмейстеры, превосходно понимал положение Алехана, человека сухопутного, волей судьбы возглавившего в Чесменском сражении российский флот. Турок удалось разгромить, за победу Орлов получил прозвание «Чесменский», и даже в Царском Селе поставили в его честь памятник. Было это в семидесятом году, еще до московской чумы, и тогда недоброжелатели помалкивали, теперь же распустили языки – якобы победу Алехан одержал случайно, не загорись турецкий корабль «Реал-Мустафа» и не рухнул его пылающая мачта на русский «Евстафий», который от того взорвался, уничтожив флагман турецкой эскадры, удирать бы разгромленному российскому флоту неведомо куда. Архаров понимал, что и случайность свою роль сыграла, не без этого, однако отношения к Алехану не изменил.

– Но с чего бы вдруг в «Ленивку»? – не унимался Федька.

– Клаварош, потолкуй с ним особо. Забери его куда-нибудь и докопайся по-французски, где его ночью нелегкая носила, – велел Архаров. – Раз уж он по-русски не желает.

Клаварош приподнял брови и изобразил недоумение.

– Где его черт носил, – попроще выразился Федька, после чего француз по-своему объяснил недорослю, чтобы шел за ним следом, и тот неохотно, но подчинился.

Архаров и Федька остались одни.

– Это – они! – воскликнул Федька. – Как Бог свят!

– Сдается, да... – пробормотал Архаров.

Не так давно им было получено странное письмо из Франции, из Парижа, от тамошнего полицмейстера. Переводил Клаварош с небольшой помощью архаровского личного секретаря Саши Коробова.

Господин Габриэль де Сартин, выражая всякое почтение, извещал – поскольку в Париже карточных шулеров прижали, то они и подались на ловлю богатых дураков по иным городам. А ходят слухи, что российские вельможи на золоте едят и бриллиантами лакеям чаевые дают. Есть основания полагать, что вскоре иные из них объявятся в Санкт-Петербурге, но скорее уж – в Москве. И есть некий мусью Дюкро – коли мелькнет где его запятнанный многими безобразиями хвост, так чтоб не упустили. К сему прилагался словесный портрет мошенника: лет от тридцати пяти до сорока, ростом без дюйма шести футов, лицо округлое, нос широкий, мясистый, с нависанием над губой, левое ухо чем-то повреждено, как ежели бы его кусали – а может, и впрямь кусали, волосом черен, глаза черные, впалые, рот обыкновенный...

Господину де Сартину было отвечено очень любезно, однако в меру Клаварошевой грамотности. Француз всяко отбрыкивался от необходимости писать, но Архаров прикрикнул – пришлось. Проверить его было некому – секретарь Саша сам писал с ошибками.

После чего архаровцы пустились собирать слухи и сплетни – где да кто по-крупному проигрался. Пока что новости были неутешительные – знатные господа играли между собой и ежели путались с парижскими мошенниками – то сие дело держали в строжайшем секрете. Правда, завелось в свете несколько французов – граф какой-то из Санкт-Петербурга наехал, дама некая неподалеку, на Остоженке, поселилась, довольно богатая, чтобы иметь свой выезд. За ними потихоньку присматривали – но без особого толка.

Заодно узнали причину, по которой парижские шулера отправились ловить свою фортуна в Россию.

Причина оказалась забавная. Де Сартин здраво рассудил, что запрещать карточные игры бесполезно. Уже сто лет назад строжайшие законы принимали – ежели в чьем доме играли в брелан или открывали «игорную академию» (многие без всяких сомнений почитали карточную

игру наукой), то хозяина такого дома могли выгнать из города. Карточные долги объявлялись недействительными, отцы получили право взыскивать по суду деньги с тех, кому их беспутные сыновья проиграли хоть какую сумму, долло до штрафа для игроков в три тысячи ливров и даже до тюремного заключения. Все было тщетно.

По части карточного мошенничества же Франция имела давние и стойкие традиции. Уже двести лет назад пришлось печатать карты с рубашкой, крапленой мелким рисунком, чтобы шулера не могли делать на ней своих тайных знаков. И хотя в приличном обществе для всякой игры брали новую нераспечатанную колоду, а один раз игранные карты могли и скинуть под стол, шулера и тут исхитрялись метить карты или ногтем по боковому обрезу, или нарочно изготовленным перстрем с острым коготком. И Сартин решил заменить карты, предоставлявшие прорву возможностей смошенничать, иным видом азартной игры, где мошенничество исключается.

Трудно сказать, действительно ли он сам додумался, или кто помог, но слух ходил такой – парижский полицмейстер изобрел игровое колесо. Оно-де крутится, в него кидают костяной шарик, шарик останавливается на цифре, предугадать которую невозможно. Модное устройство так и называется – «колесико», но петиметры не могут по-русски, и потому именуют затею по-французски – «la roulette», для удобства – «рулетка».

Эта игрушка появилась уже в Санкт-Петербурге, но до Москвы еще не доехала – по крайней мере, Архаров только слышал о ней, но ни разу нигде не встречал, – почему, видимо, шулера и отправились завоевывать именно Москву, а не Санкт-Петербург. Прятались они отменно.

И вот послал Господь недоросля Вельяминова.

Пришлось подождать, пока Клаварош терпеливо выпытает у него все подробности и явится с докладом.

Подробности оказались таковы: познакомился в модной лавке на Ильинке с таким же щеголем, оба пряжки для башмаков выбирали. Знакомец оказался речистый, веселый, так по-французски и частил, повез к кому-то обедать. Тут у господина Вельяминова прореха в памяти – ехали вроде по Никольской и к Чистым прудам, но потом как-то оказались на Воздвиженке...

Пообедав, уже втроем отправились к кому-то еще, и уж оттуда поздно вечером прибыли в дом, принадлежащий, скорее всего, барину средней руки. И барин тот был разгильдяем – перед самым домом так и разило конским навозом. Впрочем, было уже темно, Вельяминов ничего особенного не разглядел.

Прожил он в том доме около суток, не раздеваясь и не приклонив голову к подушке, за карточным столом. Был сперва принят радушно, выигрывал, пришел в восторг, наслушался похвал своему мастерству, потом Фортуна отвернулась.

– Старая песня, – пробормотал, слушая Клаварошев доклад, Архаров. – А на каком языке хвалили хоть?

– На французском, – со значением произнес Клаварош. И тут же перешел к векселям, которых юноша подписал на совсем уж несообразную сумму – сто тридцать две тысячи рублей.

У Архарова рот сам собой приоткрылся.

– Да как же у него рука поднялась такую цифру вывести?!

Клаварош, как всегда выразительно, развел руками.

– Тимофей, веди сюда недоросля! На какое же наследство он рассчитывал?.. Федя!

Федька, ждавший с Тимофеем за пределами кабинета, просунул в дверь голову.

– Говоришь, Хворостинина племянник?

– Он сам хвалился, – сказал, входя, Федька. И тут же зазвенел еще не усвоивший приятного гласисирования голос – очевидно, недоросль по-французски объяснял Тимофею, что ему надоело входить в кабинет и выходить из кабинета.

– Так пьян же был.

– Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке, – Федька посторонился, пропуская Вельяминова.

– Хм...

Будь Архаров любителем наносить визиты, любая московская барыня из тех, что отсюда разве что в чуму уезжали, подробно бы ему растолковала про состояние Хворостининых. Но ездить по барыням с такими вопросами казалось ему дико, хотя... была женщина, нет, не женщина – баба, бабища, которая знала не менее всех барынь.

– Бери лошадь, Федя, дуй к Марфе. Расспроси толково. Какие такие Хворостинины, имеют ли племянников...

Тут он взглянул на Вельяминова и вдругорядь хмыкнул. По всему выходило – имеют, одного, но такого, что оторви да выбрось...

Федька почему-то поглядел на Клавароша, как бы спрашивая дозволения. Тот пожал плечами, и тогда лишь Федька убрался. Архаров опять посмотрел на Вельяминова, на сей раз – строго, это у него хорошо получалось.

– Вертопрах ты, сударь. Кашу заварил, а расхлебывать кому? Клаварош, пошли на Лубянку за Устином, посади их вдвоем, сам рядом будь – докопайтесь, куда он забрел, во всякую мелочь вникните... пистолет!

– Что пистолет? – спросил Клаварош.

– Он врал, будто купил пистолет, чтобы застрелиться. Где это он его среди ночи купил?

– Пистолет был, – возразил Клаварош. – Я его видел. Должно быть, остался в «Ленивке».

– Ну, стало, вы его больше не увидите. Сукины дети, ленивскую шваль пистолетом снабдили... Ладно, допроси и о пистолете, да пострже, пусть Устин все подробно запишет, а вертопрах руку приложит.

Устин Петров после всех чумных событий тоже остался при Архарове. Как человек грамотный, он был определен в полицейскую канцелярию на Лубянке, но порой исполнял и должность личного архаровского секретаря. Это случалось в отсутствие Саши Коробова – тот и звался личным секретарем, и жил в особняке на Пречистенке, и питался, и занимался архаровскими письмами, и приходно-расходную книгу вместе с дворецким Меркурием Ивановичем вел, но здоровье его так толком и не поправилось, и потому он, выпросившись в отпуск, уезжал в какую-то деревню к деду-травознаю, тот дед парил его в бочке, набитой целебным разнотравьем, и еще какие-то штуки с ним проделывал – после них Саша месяца два-три держался стойко. Сейчас он как раз был в такой отлучке.

Если по правилам – то канцеляристом мог быть служивый в чине сержанта, подканцеляристом – в чине капрала, а о бывших дьячках, не имеющих воинского звания, закон недоуменно молчал. Архаров решил, что в таком деле он сам себе закон, и взял Устина писарем. Благо о служебной карьере тот мало помышлял, а свободное время, немного опомнившись после событий чумного времени и своего невольного соучастия в убийстве митрополита Амвросия, стал проводить не только в храмах, замаливая грех, но и в своей комнатке, с книжками божественного содержания.

– Я не буду говорить, – объявил Вельяминов. Хотя пять минут назад все исправно поведал Клаварошу.

Архаров только рукой махнул. Он все понимал – мальчишка больше боится родни, чем его, обер-полицмейстера. Мальчишка прошел через искушения – и стреляться думал, и бежать из Москвы переодетым неведомо куда. Хотя был же какой-то указ, был... давно, правда... придется читать.

Он уставился на книжные шкафы. Возможно, именно тут и спрятан тот важный указ, которому среди благородных игроков не придавали значения. Искать – целый день тратить, вот придет Устин – пусть займется.

* * *

Федька взял лошадь и поехал в Зарядье, где так и жила Марфа. Место было родное, красавицы-подопечные не переводились, и она даже из баловства выдала замуж кривоzubую Глашку – чтобы на свадьбе, крепко подвыпив, жалиться на всю горницу, что перевелись-де после незабвенного Ивана Ивановича достойные мужики.

Но мучившей ее скуки тем не избыла.

Обычная бабья жизнь ее занимала – да в меру, и погоня за уходящей молодостью – тоже в меру, и даже смена дармоедов приелась, а ничего иного она для себя придумать не могла. И просто тещей да бабкой быть не желала – дочку выдала замуж аж в Ваганьково, и те, кто Марфу знал, подозревали – для того, чтобы пореже туда навещаться.

Как всегда, состояла при ней девчонка на побегушках, а для надежности и безопасности Марфа поселила у себя молодого и бодрого инвалида Тетеркина. Инвалидом он сделался недавно, под турецким городом Хотинем, лишился ступни, но наловчился без нее обходиться и стал мастерить игрушки на продажу. Тут он был в выигрышном положении – с отставных солдат налогов не брали. Но жил сам по себе, в розовое гнездышко допущен не был.

Федька прибыл вовремя – как раз Тетеркин повздорил с соседским дворником, так что было кому разнять. А Марфа любовалась склокой и подзуживала обоих – как всегда, от скуки.

Он прямо во дворе, не сходя с коня, передал Марфе вопрос Архарова, и та задумалась.

– Хворостинины, точно, богатый род, только на потомство невезучий. Коли Николай Петрович желает, схожу к куме, разнюхаю. А ты заходи, угощу, чем Бог послал.

– Благодарствую на добром слове, а должен назад спешить. Нам с господином Тучковым еще к княжне Шестуновой, дознание проводить.

– А что у старой дуры стряслось?

Марфа была своя, ей страшную тайну сообщить – следствию не во вред, а может, чего и подсказет, подумал Федька.

– Питомка пропала.

– Ахти мне! С кавалером? – предположила Марфа.

– Поди знай. Искать надо.

– А который ей годок?

– Двадцать, что ли.

– С кавалером. Тут первым делом узнай, кто к ней сватался да по какой причине отказано. Потом – кто там в доме волосочес, кто музыке и танцам учил. Этим девку сманить – раз плюнуть.

– Так, а что еще присоветуешь?

Марфа даже обрадовалась – вот и ее жизненный опыт пригодился.

– К богомолкам приглядишься. Иная такую святость на себя напустит – минуты без Божьего имени не живет, а записочки амурные таскает из дома в дом хуже всякого волосочеса. И ведь привечают ее!

– Еще! – потребовал Федька.

– Да что я тебе, оракул? – удивилась Марфа. – Коли книжки в доме есть, все перетряхни, в книжках тоже записочки прячут. Затем – что вместе с девкой пропало.

– Да это я и сам знаю.

– Умный! – тут же неодобрительно обозвала Марфа. – Ну так я и про Хворостининых, и про Шестуновых разведаю. А ты ступай – начальство, поди, заждалось.

И Федька отправился обратно на Пречистенку – чтобы вместе с Левушкой, да в архаровской карете, с лакеем на запятках и с лошадьми в парадной упряжи, для пущей важности, ехать к старой княжне.

Архарова он уже не увидел – тому, чтобы отвезти на Лубянку, поймали извозчика. А Левушка был хорош! В новом красном кафтане, на который положено было фунта два золотого галуна, в палевом камзоле, шитом цветами и травками, в палевых же штанах и шелковых чулках, от которых его длинные ноги становились сущим соблазном для глазастых московских невест, и с новенькой треуголкой под мышкой, чтобы не портить напудренной прически, – щеголь, петиметр, да и только. Живая его мордочка, глазастая, круглая, обрамленная белоснежными буклями, на которые Никодимка не пожалел наилучшей пудры из рисовой муки, прямо сияла, высоко вознесенная над столпившейся в курдоннере дворней. Многие знали, что этого петербуржца хозяин особо привечает, и норовили не просто припасть к ручке и к плечу, а неоднократно.

– Никодимка, причесывай Федора скорее, – велел Левушка. – В таком виде его в приличный дом везти нельзя.

Федька с утра шевелюрой не занимался – не до того было. А следовало завить и уложить букли, наново переплести косицу.

Его физиономия тут же выразила отвращение к неудобной прическе.

– Ишь, морду сквасил, – одернул его Левушка. – Пошел, пошел! Никодимка, пудры не жалей! Пусть хоть спервоначалу не примут за архаровца!

Он уже наслушался про подвиги новых московских полицейских.

Никодимка, вдохновленный чувством ответственности, воспарил мыслями и первым делом прижег Федьке ухо горячими щипцами. Много было шуму и ругани, прежде чем Федькина голова приобрела благообразный вид.

Наконец сели в карету и покатали.

Княжна жила на Воздвиженке, да так удачно, что с крыльца видны были кремлевские башни.

По обе стороны ворот стояли каменные колонны, и наверху на каждой лежал белый лев – сия зоологическая несообразица была в Москве делом обыкновенным. Карета проехала между этими бесполезными сторожами и, сделав поворот, встала дверцами напротив крыльца. Лакей Иван, здоровенный детина, соскочил с запяток, отворил дверцы, откинул ступеньки, и Левушка торжественно выплыл навстречу пожилому дворецкому.

– Вели доложить – поручик Тучков, с поручением от господина Архарова, – сказал Левушка, и тут из-за спины дворецкого явилось длинное худое лицо в чепце невиданного покроя – казалось, что женщина приспособила сзади, на затылке, к голове нимб, почти такой, как на образах. Не сразу изумленный Левушка понял, что нимб-то кружевной, просто кружево подкрахмалено, и вообще нечто подобное носила много лет назад его же собственная матушка.

– А не тех ли Тучковых будете, которые через Натали Солодухину по второму браку в свойстве с Челяднинными-буфетами и Сикорскими-полоумными?

– Их самых, сударыня, – нисколько не смутившись, отвечал Левушка. Московская привычка всем давать прозвища была ему знакома, «буфет» означал лишь то, что фасад челядинского дома напоминал о резной мебели, слово же «полоумные» говорило о безумии какого-то дальнего предка и бранным в таком его употреблении уже не считалось. Если бы он сам перебрался на жительство в Москву, женился и завел детишек, то эта ветвь рода уже именовалась бы «Тучковы-долговязые».

– Сочтемся, коли так, родством, – и, дав знак следовать за собой, женщина повела Левушку в сени и к лестнице, говоря непрерывно. Федька молча шел сзади, вертя головой. Ему не часто приходилось бывать в старых дворянских домах, а архаровский пока еще не был домом в полном смысле этого слова, потому что хозяин им почти не занимался. Проходя через комнаты княжны Шестуновой, уставленные старой мебелью и довольно скверно убранные, Федька сделал тот вывод, что, будь у него деньги, он бы устроился получше.

Женщина перечисляла имена и фамилии, вовсе Федьке неведомые, даже Левушка не всех помнил, и потому Федька все время поглядывал по сторонам. И на него поглядывали, да с тревогой – чего ждать от архаровца?

Спальня старой княжны была переполнена. Войдя, Левушка первым делом споткнулся о протянутые босые ноги и услышал звонкий лай. Опираясь спиной о комод, у самых дверей сидели две пожилые богомолки. Дальше – еще страшнее, девки, бабы и старухи плотно сидели на полу, не оставляя прохода к огромной кровати под балдахином, и говорили довольно громко. Три моськи, две – белые и лохматые, третья – вроде мопса, скакали по бабыным коленям, но слишком не приближались – нападали издали.

Женщина, что привела Левушку с Федькой в эту спальню, закричала, перекрывая лай, так, как кричат девки-ягодницы в дремучем лесу, только что рук ко рту не поднесла:

– Матушка-барыня, от полицмейстера приехали! Господин Тучков, что через Квашниных-ершей с вами в родстве! Пуцать?

Левушка, стоя в дверях, вытянул шею, но и с высоты своего роста не смог разглядеть здешнюю хозяйку – на ее постели сидели какие-то дамы в пышных вздыбленных платьях. Только и маячило, что чепец-дормез, увенчанный посередке ленточной розеткой неизъяснимого цвета – петиметры и щеголихи давали таким цветам свои названия, но Левушке за служебными делами не всегда удавалось уследить за ежедневно меняющейся модой.

Из-под края мехового одеяла, это среди лета-то, явилась рука в кружевных воланах, сделала вот этак – пуцать!

Следовало раскланяться, но проделывать правильный придворный поклон с риском для жизни Левушка не желал. Да и что за поклоны в дверях?

– Нельзя ли всех этих особ попросить вон? – обратился он к женщине, которая привела его сюда, как видно – доверенному лицу старой княжны, однако сама не двигалась с места.

– Нешто они тебе, батюшка, мешают?

Тут Левушка безмолвно пожелал чертей любимому другу, пославшему его в это бестолковое бабье царство. И вслух попытался объяснить, что разговор со старой княжной должен происходить наедине.

– Как же наедине, когда она – девица?!

Левушка растерялся. Видать, забота о нравственности в этом московском доме была на недостижимой высоте. Неудивительно, что воспитанница сбежала.

Не растерялся Федька.

– Она – девица, а мы – полицейские, – попросту сказал он. – Ну-ка, тетенька, пусти.

Он вошел в спальню и тряхнул сидящую богомолку за плечо.

– Ну-ка, освободи местечко, матушка!

Та дернулось под рукой, но пальцы были цепкие.

– Давай, вставай, нечего тут рассиживаться, – еще довольно ласково попросил Федька.

– Архаровец!

– Архаровец, – подтвердил он. – Ну, живо, живо, живо! Девки, выметайтесь!

– Ты чего там творишь? – раздался недовольный голос старой княжны. – Ты моих девок не трогай!

Богомолки встали, и в спальню смог войти ободренный Федькиной отвагой Левушка.

– Вашим девкам, сударыня, при важном разговоре делать нечего! – так же громко отвечал он. – Велите им в людскую убираться!

С великими препирательствами удалось выгнать из спальни ни много ни мало, а восемнадцать особ женского полу, не считая мосек. Оставались две родственницы-гости – но про этих княжна и слышать не желала. Оставила также молодого доктора приятной наружности – всякая дама в годах была бы рада, когда такой любезный круглощекий кавалер, благоухающий

французской пудрой «марешаль», подает пилюльки, по утрам выслушивает судьбоносные сны, а по вечерам – как проведен день.

Левушке поставили стул в двух шагах от постели.

Княжну приподняли и обтыкали подушками, как если бы она, помирая, вовсе лишилась сил, но Левушка видел, что до смерти тут далеко, а просто охота переживать за воспитанницу со всеми удобствами. А по тому, как мощно помирающая княжна отодвинула сидевшую на одеяле, раскинув юбки, родственницу, Левушка понял – ей бы на театре играть, в пьесах господина де Мольера, которые уже в немалом количестве переведены на русский.

– Когда и каким образом пропала означенная девица? – стараясь подражать архаровскому спокойствию, осведомился он.

– Каким образом? Сами который уж день понять не можем!

Оказалось – из горенки своей в окно Варвара выбраться не могла – окно было изнутри закрыто. В парадные двери выйти не могла – изнутри закрыты, да и всю ночь в сених кто-то обретаётся. Через службы уйти не могла – на заднем дворе ночью псов спускают, да и ворота заперты. Остается – улетела на помеле...

– Сие значит, что среди дворни у нее есть пособник. Он ее выпустил и двери за ней запер.

– Такого пособника выпороть бы не худо, – тихо сказал молодой доктор. – Но сперва сыскать и доказать.

Они обменялись взглядами, и Левушка понял – именно с этим человеком стоит потолковать, а не со старой девушкой, которая чуть что – за сердце хватается и спасительных декохтов требует.

Пока он домогался, какие носильные вещи пропали вместе с Варварой, да не взяла ли она с собой деньги и драгоценности, Федька забрался в людскую.

– Ну, архаровец, и что же? – держал он речь перед дворней. – Нас понапрасну порочат.

Он далее толковал о том, что за внешними безобразиями, зуботычинами и выбитыми окнами, народ не видит основного, толковал и видел – не верят!

Да и ту же «Ленивку» вспомнить – кто теперь поверит, что три архаровца просто-напросто хотели тихонько завершить день ужином и скромной выпивкой? И завершили бы, никто – ни Тимофей, ни Клаварош, ни сам Федька! – не имел намерения буяннить и бить посуду! Они вообще люди мирные, не случись там этого дурака Вельяминова – расплатились бы и ушли. А так – говорят, большую, на шесть задниц, скамью разломали. Невозможно такую скамью человеку без топора разломать, нет такого способа, а теперь на архаровцев ее вешают...

Все-таки сердца умягчились, кое-что ему про воспитанницу Варвару поведали, а тут и Левушка за ним прислал – собираемся, уезжаем.

Левушка был сильно недоволен.

– Я бы таких дур порол! – пожаловался уже возле кареты. – Сидят, слушают, а потом та, в накидке, говорит этак жеманненько: тебе бы, сударь, говорит, в полку служить, а ты вон в какой должности, стыдно! Я было брякнул – Преображенского полка поручик Тучков к вашим услугам, сударыня! То-то бы рот разинула! Им, московским дурам, хоть без ноги, хоть без башки, лишь бы гвардейского полка!

– И что же? – осторожно спросил Федька.

– А ничего! Я ей так ответил: должен же, сударыня, кто-то и ваших беглых родственников ловить. В другой раз с архаровскими комиссиями в преображенском мундире поеду. Чтоб с порога зауважали!

Они сели в архаровскую карету, но трогать Левушка пока не велел и дверцу оставил открытой.

– Кое-чем все-таки разжился, – он добыл из кармана некий овальный предмет на длинной ленточке. – Год назад немцу портрет заказывали. Вон она, Варвара...

Федька уставился на миниатюру, приоткрыв рот.

На него из глубокого полумрака смотрело девичье лицо, чуть оживленное модной полуулыбкой – одними уголками сомкнутых розовых губ. И скатывалась на грудь большая трубчатая прядь пушистых темных волос.

Нежностью от него веяло неизъяснимой. Румянец – никакой краской такого не наведешь, свой, живой, прозрачно-неустойчивый, как отсвет на фарфоровой белизне... и не захочешь, а заглядишься...

– Вот и я тоже, – признался Левушка. – Ведь красавица! Редкая красавица! Такой при дворе место, фрейлиной быть, а ее в Москве держат.

Федька отрешенно покивал.

У нее были печальные черные глаза, глядевшие не прямо, а вниз, хотя были распахнуты, как полагается. И волосы, высоко поднятые, совсем просто уложены, и нет четкой границы между мраком и этими пушистыми волосами...

– Врут... – севшим голосом сказал Федька. – Немцы так не рисуют.

– А ты почему знаешь?

– Видел. У них все гладенько и розовое.

Левушка забрал миниатюру и старательно в нее вгляделся.

– Ну, вот тебе розовое – платье...

Он задумчиво покачал портрет на шелковой ленточке и вдруг надел себе на шею.

– Не потерять бы, – объяснил.

Федька безмолвно согласился. Ну да – не простому полицейскому, бывшему мортусу, а до того – будущему каторжнику, таскать на груди под мундиром такие портреты, кишка тонка...

Из-за угла выбежала босая девчонка, проскочила карету, добежала до другого угла и, озадаченная вернулась. Встала перед Левушкой с Федькой.

– Вы, что ли, архаровцы? – спросила дерзко.

– Я ее удавлю, – тихо сказал Левушка.

– А что, не похожи? – любопытствовал Федька.

Девчонка оглядела изящно одетого Левушку.

– Не-е, не похожи. Мне господин Ремизов велели архаровцам, что у дверей ждут, передать, – она показала зажатый в ладошке сложенный листок. – Ушли, не дождались...

И она побежала обратно – туда, где за углом были, надо думать, ворота заднего двора. Федька, сообразив, выскочил, догнал и без лишней учтивости отнял записку.

– Не обманул доктор, – сказал, прочитав, Левушка. – Просил вечером жаловать к нему в гости, в дом Флейшмана, что в Колымажной.

– И все?

– А чего еще? Коли бы записку перехватили, то не к чему даже придраться – ни, к кому адресовано, написал, ни подписи своей не поставил.

– Больно умен.

– Так доктор же.

Федька пожал плечами – из докторов он знал только Матвея Воробьева, а по нему судил, что выпить они не дураки.

Поехали к Архарову на Лубянку.

Здание, где обреталась московская полиция, имело давнюю, но туманную историю. Когда-то все строения были деревянными, каменные полаты поставили уже при царе Алексее Михайловиче. Тогда тут было подворье рязанских духовных владык. По приказу одного из них, Стефана Яворского, выстроили две каменные двухэтажные палаты, выходившие на Лубянскую площадь. После рязанских архиепископов часть подворья получила московская полиция, имевшая тут же поблизости, на Мясницкой, съезжий двор – малоприятное место, куда первым делом тащили всю сомнительную добычу, воров, грабителей, нарушителей порядка, пьяных и даже раненых в драках.

Помещение полицейской конторы пользовалось такой славой, что даже нищих поблизости не водилось – Архаров их не жаловал.

Кроме всего прочего, были архиепископские палаты с секретом – кроме подвала обычного имели и второй, под ним, и там-то расположился со своим кнутобойным хозяйством Шварц. Чем он занимался за дубовыми, обитыми железом, дверьми, Архаров знал – не всегда истязаниями, иной раз довольно было показать все эти кнуты да плети, чтобы у подсудимого развязался язык. Но, не желая портить Шварцу кровавую репутацию, молчал. Как раз репутация и действовала порой лучше всякого кнута.

Архарова застали за делом – слушал донесения. Демка-мортус, он же Демьян Костемаров, заглядывая в бумажку, бодро докладывал: дураков на свете много, куда больше, чем злоумышленников, и меньше бы ямщики пили – больше проку было бы для дела, потому что утерянная вышеупомянутыми дураками-ямщиками Бобковым и Афанасьевым сума с письмами и документами нашлась на конюшне, заваленная сеном, никто оттуда ничего не взял, не украл.

Устин, успевший приехать с Пречистенки, стоял возле бюро, сверял какие-то бумаги, слушал вполуха и посмеивался.

– Обидно, – подытожил Архаров. – День твой на всякую околесицу потрачен. Ну, Бог с тобой, ступай. Устин, садись писать. А вы докладывайте.

– Как и ожидалось, девица прихватила немало добра, и в том числе занятных две вещицы, о них старуха более всего сокрушается, – передав сперва словесно всю обстановку в спальне, сказал Левушка. – Первая вещица приметная – табакерка парижской работы, с эмалью и бриллиантами. Вот так – картинка, расписная эмаль, яблоки с виноградом на подносе, а так, под ней, посередке – немалый солитер. Цена ему такова, что деревню с тремя сотнями душ купить можно – коли княжна не врет.

Он изобразил пальцем по ладони величину и форму табакерки, расположение бриллианта.

– Еще?

– Игольнички золотые, мушечницы, всякая девичья мелочь, что у нее в комнате хранилась. А вот табакерку как-то очень ловко у княжны утянула. И еще брошь – тоже приметную, более двух вершков в высоту. Букет – лилии из серебра, жемчуга и бриллиантов. Тоже с особинкой – там один ряд очень редких и дорогих жемчужин выложен. Голубоватые с некоторой прозеленью.

– Занятные вещицы хранятся у княжны, – молвил Архаров.

– А вот тебе загадка. Там же, где табакерка и брошь, часы лежали, тоже не дешевые, так их не тронула.

– Откуда вещицы, не спрашивал?

– Спрашивал – так врет же. Сказывает – от родителей достались. А я же знаю – новомодная парижская работа, во всех французских лавках теперь табакерки с расписными эмалями имеются, хотя без бриллиантов.

– Дальше.

– Федор, говори, – велел Левушка, явно держа в мыслях чем-то поразить Архарова. – Мне про женихов рассказывать не пожелала, уперлась – не хочет доброе имя воспитанницы порочить.

– Куда уж дальше... – буркнул Архаров.

– А Федору в людской рассказали!

Архаров повернулся к подчиненному и внимательно на него посмотрел.

– Сватались четверо. Бухвостов, Голятовский, Репьев и Фомин! – отрапортовал Федька. – Всем – отказ.

– Фомин, Николаша! – воскликнул Левушка. – Вот кто нам нужен! Ты что, не понял? Это же Измайловского полка поручик Фомин!

– Петр, что ли? – уточнил Архаров. – А то у них, помнится, еще другой был.

– Ну да, Фомин-второй. А другого я не помню! А этот – точно второй! Петр, измайловец – так, Федя? Так тебе сказали? Он в Измайловского полка бригаде был, когда на чуму нас посылали!

Архаров чуть не хлопнул себя по лбу – точно!

– Вот ему нужно написать. И с губернаторской почтой курьером письмо отправить! – выкрикивал Левушка, безмерно довольный, что напал хоть на какой-то след.

– А также сыскать остальных троих.

– Остальные-то, наверно, здешние, а Фомин – НАШ! – со значением сказал Левушка.

Архаров понял – московские женихи, получившие от ворот поворот, будут или отбояриваться от дотошных полицейских, или врать, возводя на девицу и ее родню всякие поклепы. Ну их, и с их враньем вместе... А гвардеец Фомин скажет правду.

– Устин! Диктовать буду, – сказал Архаров. – Тучков, помогай.

– Милостивый государь Петр... – Левушка задумался. – Слушай, Николаша, а как его по батюшке?

– Да кто ж это знает? – удивился Архаров. Среди офицеров было принято звать друг друга по фамилиям или же прозвищам. Имена – и те не больно были в ходу.

– Устин, погоди... пусть это будет черновик... Стало быть, записывай вопросы. Когда вы изволили свататься к девице Варваре... – тут Левушка замолчал и покраснел.

– Ну, что еще? – спросил Архаров.

– Фамилию-то ее мне так и не назвали, – признался Левушка.

– Пухова ее фамилия, – сказал Федька.

Левушка нехорошо на него глянул – мог бы и сообщить, пока ехали в карете.

– К Варваре Пуховой. И по какой причине сватовство не состоялось. И что вам известно о намерениях княжны Шестуновой в отношении ее воспитанницы девицы Пуховой, – как ни в чем не бывало продолжал вместо него диктовать Архаров.

– Глупо все это! – воскликнул Левушка. – Ведь не ответит! Иначе писать надобно!

– Как иначе? – спросил Архаров.

– Не знаю!

Левушка от расстройства чувств вдруг покраснел и выскочил за дверь.

Он не хотел позориться перед старшим товарищем.

– Ваша милость, Николай Петрович, а может, не надо писать? – осторожно спросил Федька. – Мы же еще доктора не допросили. А обещался важное рассказать. Стоит в доме Флейшмана, что в Колымажной. И еще. Волосья у них француз чешет, хозяйке, воспитаннице и еще двум дамам, что там у них гостят. Нанялся недавно. Дворне что-то не полюбился – всюду нос сует. А подружился с лакеем Павлушкой. И тот Павлушка летом спит в каморке при сенях, где зимой гости шубы оставляют, ему позволено.

– Так прямо тебе все выболтали? – не поверил Архаров.

– Так его же, того Павлушку, прямо при мне делить принялись! Девки чуть друг другу в волосья не вцепились, как стали перечислять, кто да когда к нему в каморку ночью бегал! Но это не я – это само вышло, – честно признался Федька.

– Найди Тучкова, возьмите мою карету, поезжайте – может, тот доктор уже объявился, – велел Архаров.

Федька и Левушка дважды побывали у доктора Ремизова, но все без толку. Он основательно застрял у старой княжны. Наконец записочку оставили – и оказалось потом, что делать этого не следовало.

* * *

Продиктовав вкратце Устину то, что выведал в доме у княжны, и оставив с Устином Федьку, Левушка исчез – понесся-таки по родне. И даже не вернулся ночевать – до такой степени загулял. А Архарову в тот вечер было не до поиска беглых девиц – очередной пожар потребовал его вмешательства.

Пожарное дело тоже входило в круг обязанностей полицмейстера. Москва издавна терпела от огня, но тушить его училась с большими сложностями. Сперва это делалось силами обывателей, которые не столько спасали имущество из горящих домов, сколько грабили. К тому времени, как Архаров заступил на свой новый пост, дело сдвинулось с мертвой точки – но куда-то не туда. После неслыханного пожара 1747 года запрещено было по крайней мере, в центре города – ставить деревянные заборы, а кому охота огораживаться – пусть тратится на железные решетки; призвали также к порядку извозчиков, которые во время пожаров взвинчивали цены за вывоз имущества погорельцев. На полицию возложили обязанность расписать их по частям, снабдить ярлыками (которые они теряли с умопомрачительной скоростью), а также следить, чтобы они являлись на пожары и вывозили имущество бесплатно. Нетрудно представить, какая из этого вышла морока.

Более того – неопытная пока по части хозяйственных указов молодая государыня подписала в 1763 году следующий: чтобы обязательная для полиции Санкт-Петербурга и Москвы пожарная команда имела в своем составе одного брандмайора, одного брандмейстера, семь унтер-брандмейстеров, мастера для заливных труб, кузнецов, слесарей, еще множество вспомогательных лиц, даже двух сапожников, и только одно было позабыто. Прореха обнаружилась при первых же пожарах – в штате не были предусмотрены обычные пожарные служители, которым положено с баграми лезть в пламя, так что блистательные команды вместе со своими трубами и насосами довольно долго не выезжали по сигналу тревоги, а с огнем по-прежнему управлялись сами обыватели.

Далее была невнятица: по «Наставлению губернаторам» от 1764 года противопожарные службы перешли в их подчинение – но в губернских городах. Москва еще оставалась на каком-то особом положении – там повелось использовать для тушения огня гарнизонных солдат, и даже более того – обучать их этому ремеслу. Из-за чего командиры были сильно недовольны – поди знай, когда разгуляется красный петух, срывая все планы господ офицеров к чертям собачьим.

Мирить людей Архаров умел одним добрым способом – сунуть кулаком в зубы правому и виноватому, это очень успокаивало. Но способ был хорош в полку с солдатами, и то – не всякий раз. Так что разбирался с пожаром и с неким сварливым пехотным капитаном, чьей фамилии не расслышал, он допоздна.

Наутро Архаров позвал Устину, велел прочитать вслух все, что набралось по делу господина Вельяминова.

Архаровцы, посланные в «Ленивку», были изруганы нещадно, однако хозяин убоился зуботычин и пошел следствию навстречу – сбегали даже за девкой, что приставала к обалдевшему недорослю. Определили время его появления – вышло, что пришел, когда стемнело, и даже вспомнили – не вошел, а влетел, запыхавшись.

Был ли уже пьян? Этого не поняли, но отметили безумный взор и безнадежное бормотание.

Архаров осторожно, чтобы не испортить свеженького Никодимкиного волосяного творения, почесал в затылке. Похоже, тайный игорный притон, откуда выпустили недоросля, был где-то неподалеку. Можно бы посадить Вельяминова в карету, покатавать по окрестным улицам, может, признает дом... ан нет!

Он, горемыка, запомнил, что у крыльца сильно благоухало конским навозом. А привезен был уже ночью, впушен в дом в потемках. Стало быть, доставили его на задний двор, где службы, сараи, конюшня, и ввели в притон с заднего крыльца. Оттуда же он и сбежал, не разбирая дороги. Стало быть, фасад дома и парадное крыльцо узнать не сможет ни за что – он их не видел. Ловко придумано... но должна же быть зацепка?..

Устин пономарским голосом бубнил показания полового из «Ленивки».

– Помолчи-ка, – велел Архаров.

Он вспомнил то, что в рассказе Вельяминова отметил было сразу, да за суетой позабыл. Знакомство в модной лавке на Ильинке...

И кого же прикажете туда посылать?

На Ильинку?

Расспрашивать по-французски бойких хозяек и их шустрых помощниц, не был ли замечен некий юный и курносый господин Вельяминов в нарядном серо-голубом кафтанчике? Переходить от лавки к лавке с теми же вопросами, расплачиваясь комплиментами и обещаниями впредь сделаться постоянным покупателем?

Нет, и туда пусть Левушка идет. Он по-французски знает, он с этим смешливым племенем обращаться умеет! Или Клаварош... да, именно Клаварош.

Или – нет, нельзя туда пускать Клавароша. Она задержит его, примется расспрашивать, передавать благодарности.

Тут Архаров подумал, что делается некстати чувствителен. Какие благодарности?! Не может быть, чтобы она не поддерживала сношений с Клаварошем, все-таки человек ее от голодной смерти спас, да и крестник ее матушки. Все хорошее, что она могла бы ему, Архарову, по этому случаю сказать, уже не имеет силы.

Поди, давно забыла...

Она и она... и так ясно, кто. Если ее имя по-русски произнести, выйдет глупо – Тарасия. Так сказал священник, батюшка Никон, в старом-престаром храме Антипы-священномученика, куда Архаров забрел в общем-то случайно – исследовал окрестности своего нового жилья. Священник оказался приятным человеком, и именно туда Архарова всякий раз загоняло любопытство по части имен – а при первой встрече, только еще открыв для себя этот храм, он просто хотел знать, что означает необычное имя и насколько соответствует хозяйке, лишь это, ничего более, в подтверждение своей теории о тесной связи имени и судьбы.

Оказалось – «волнующая». По-гречески. Этого только не доставало.

Так что на Ильинку опрашивать Лизеток и Жанеток пойдет Левушка. Кстати – надо бы принять на службу несколько молодых людей, которых не стыдно пускать в приличное общество для разведки. Левушка-то приедет и уедет, а надобность в нем остается...

Левушка прибыл на Лубянку ближе к обеду, несколько смущенный. Принялся объяснять, что вот-де, допоздна к доктору Ремизову наведывался, но тот, видать, был прикован к постели страдалицы-княжны. Архаров только рукой махнул – трата времени, и только. Просьба Волконского выполнена – но нежелание княжны сообщать важные сведения мешает дальнейшему следствию. Как знать – может быть, она удерживала у себя насильно дочь знатного и богатого родителя, а тот сговорился с волосочесом-французом да и выкрал свое дитя? Кто в таком случае прав? И к кому следует применить всю строгость закона?

Объяснять другу задание Архаров начал уже в карете, которая везла их к Ильинке. Рас толковал, что Вельяминов с незнакомцем именно пряжки для башмаков обсуждали, и показал списанные Устином приметы незнакомца – ростом на полвершка повыше Вельяминова, но тут нужно считаться с каблуками, круглолиц, с пухлым подбородком, в меру дороден, глаза черные, круглые, брови держит домиком, как если бы постоянно был удивлен. Кафтан модного серовато-зеленого цвета, этакого ускользающего от определения, камзол такой же, и еще тре-

клятый недоросль почему-то запомнил пуговицы – серебряные, на один манер, только на кафтане большие, на камзоле поменьше. Лучше бы приметы дома, куда завезли, вспомнил!

– В лавках дом ни к чему, а пуговицы, со вкусом подобранные, француженки заметят, – возразил Левушка.

Продолжая напутствовать, Архаров в начале Ильинки, где-то у Ветошного переулка вышел вместе с Левушкой из кареты и принялся его провожать, старательно не замечая собственного поведения, как если бы увлекся сыском и о всем прочем забыл.

День был солнечный, какой-то праздничный – а, может, все дело в том, что публика по Ильинке слонялась нарядная, все блестело или поблескивало, голоса звенели, да еще впереди родителей бежали дети, одетые и причесанные на взрослый лад, даже самая малая девчонка, двух лет по третьему, имела настоящее, обрамленное кружевом декольте.

– А помнишь Терезу, Николаша? – вдруг спросил Левушка.

– Привидение, что ли? – не сразу уточнил Архаров, а словно вспоминая.

– Которой ты денег на обзаведение дал. Так вон ее лавка. Не туда глядишь! На той стороне!

– Гляди ты, не прокутила, не растранижила! – подивился Архаров, как если бы этого не знал. – Русская баба так деньги считать не умеет, как иностранка. Или скряжничает, или тратит наобум, пока не разорится.

– Так для того сюда и едут, чтобы денег поболее заработать, – объяснил Левушка. – Я сюда, бывая в Москве, частенько наезжаю с кухнями, так заметил – старые вывески пропадают, новые появляются. И кухни то же говорят. Только к одному мусью привыкли – глядь, уже новый завелся. Мне потом растолковали – здесь, на Ильинке или в Гостином дворе, модному торговцу за два года состояние составить возможно. Вот он годика два-три тут помается, померзнет, а потом с набитым кошельком домой возвращается. И мадамы тоже. Едут домой с приданым, там их и дворяне замуж берут...

Архаров безмолвно усомнился в том, что музыкантша когда – либо накопит себе на приданое. Хотя и взялась за ум, но ее ум таков, что всякого выверта ожидать возможно. Впрочем, накопила бы и уехала в свой Париж – правильно бы сделала...

– Ну так ступай с Богом, – сказал он Левушке, – а я к карете. Других забот хватает.

Левушка устремился огромными шагами, чуть ли не вприпрыжку, по Ильинке – молодой, веселый, не спускающий с лица улыбку. Архаров при всем желании не мог бы за ним, длинноногим, угнаться – но и возвращаться к карете не спешил, а пошел себе неторопливо следом, словно не замечая самоуправства своих ног.

Он шел Ильинкой и дивился – надо же, сколько в Москве развелось щеголей и щеголих. Петербуржцы, заглянув сюда, конечно, задирали носы – против Невского Ильинка мелковата, блеск не тот, против Невского и московская Тверская слаба. Однако по улице то и дело проезжали большие высокие кареты, запряженные крупными породистыми голландскими лошадьми, которая – четверней, которая – шестеркой цугом. Качались кокарды, торчащие из конских налобников, вопили бегущие впереди упряжек скороходы, покрикивали щедро напудренные кучера, то и дело грозились бичами с высоты седел фореиторы. Открывались дверцы, откидывались подножки, лакеи пособляли выпорхнуть хорошеньким юным дамам, умеющим показать ножку, и выводили почтенных особ, которым было не до резвостей. Тут же появлялись молодые вертопрахи, щеголи, петиметры, и образовывалось общество, и, галдя, вваливалось в двери модных французских лавок.

Архарову галантерейный товар был ни к чему, и он шел потихоньку, развлекаясь уличными сценками, пока не обнаружил себя у известных дверей – тех, на которые указывал давеча Левушка.

Левушка, затерявшийся в толпе, наверняка уже забрался в какую-то иную лавку, первую на пути, и, резвясь, выпытывал насчет кафтана с серебряными пуговицами. Сюда он дойти не успевал.

Архаров поглядел на двери и, не останавливаясь, прошел мимо. Хотя в окошке торчали, друг на дружку глядя, две дамские восковые головы в нарядных чепцах, которые показались ему любопытны – как изрядно сделаны...

А вот в соседнюю лавку Архаров зашел – там, кроме прочего добра, имелась мебель, недаром же в окне выставлены позолоченные стульчики, которые можно установить на ладони.

Сидельцы приветствовали разом и по-русски, и по-французски, но хозяин, выглянувший из задних комнат, могучий купчина в темно-зеленом длинном русском кафтане на трех серебряных застежках-лапках, и без всяких там буклей – стриженный под горшок, признал обер-полицмейстера и, зная его нелюбовь к чужим наречиям, сразу приветствовал на том единственном, которым Архаров владел.

Тут же был предложен наилучший товар.

– А вот стулья с золотой резьбой, резьба в Вене сработана, а вот лучшие парижские бронзы, – показывал купец.

– Да на что мне они? – спросил Архаров. – Сам же видишь, что не возьму.

Стулья меж тем ему понравились – да и надо же чем-то домище наконец обставлять.

– Да ты, сударь, скорее купишь, чем все те амуришки, – купец показал в открытую дверь на толпу светской молодежи у вновь прибывших карет. – Они не за товаром – они к нам амуричься ездят, галантонщики проклятые! Просидят три часа, все им разверни, все покажи, хохочут, окоlesiцу несут, а хороший покупатель в лавку уже не войдет... Мы государины жаловаться хотим!

– И что, запретит им государины амуричься? – удивился Архаров.

– А на то она и государины, – почтительно сказал купец. – как скажет, так и делается. Ей-то что! Ей товары на дом носят. Она и не знает про наше горе...

Заплатив за полдюжины стульев (взяли с него недорого, кто ж обер-полицмейстера обижать станет, таких дураков в купечестве нет!) и велев доставить их на Пречистенку, Архаров решил, что по хозяйству сделано довольно, и пошел обратно – снова миновав лавку Терезы и снова даже не удостоив двери и окошко взглядом. Хотя две изящно убранные восковые дамские головы почему-то так и требовали внимания...

Только у кареты он вспомнил, что собирался-таки сделать на Ильинке задуманную покупку, и вовсе не мебель.

За французскими было несколько нюрнбергских лавок, в которых торговали шерстью, полотнами, батистом, чулками, носовыми платками, и тут же – голландским сыром. Архарова в этих лавках интересовал табак – не будучи брезгливым, он не хотел все же посылать Никодимку взять на грош табаку у ближайшего будочника.

Изготовление нюхательного табака сделалось у будочников постоянным ремеслом, как полагал Архаров – от безделья, и завелись мастера, умеющие так тонко его перетереть, что к к ним графы и князья за фунтиком этого зеленого зелья посылали. Уже и дамы, любительницы взять понюшку и прочихаться всласть, завелись. Сам Архаров только еще проявлял интерес к этому модному развлечению – коли все его новые высокопоставленные знакомцы то и дело вынимали табакерки – серебряные, фарфоровые, черепаховые, с картинками, с эмалью, с камушками, – и предлагали угощаться, то и он обязан был соответствовать.

Архаров стоял у кареты, держась за приоткрытую дверцу и размышляя – то ли скоренько доехать до нюрнбергских лавок, то ли – ну их совсем. И тут другая карета, нарядная, щегольская, направляемая лихим кучером, едва не сбила его с ног. Кто-то уж так торопился на Ильинку – словно бы не чаял до вечера дожить.

Архаровский Сенька покрыл нахала лихой матерщиной, пожелав ему и самому шею свернуть, и коням своим, и господам своим, и потомству до седьмого колена. Но тот вдруг резко осадил лошадей. Не дожидаясь лакейской помощи, из кареты выскочила молодая дама.

– Сударь! Николай Петрович! А у меня радость!

Подбежала, смешно ступая на носки каблукастых туфельек, и сообщила, сияя:

– Меня на содержание взяли!

Первые делом Архаров увидел ленты – ленты немислимого пронзительно-зеленого цвета, украшавшие все, до чего только можно додуматься: пышный сложный бант на груди, чуть поменьше банты – на рукавах, а уж в волосах, высоко взбитых и с выложенными спереди, в вершке ото лба, сверху вниз, буклями, из лент было и вовсе сплетено немислимое, а в довершение имелся трогательный бантик под самым подбородком. И, как будто этого добра было мало, темно-красный наряд дамы украшали розовые бутоны – и на рукавах, и на подоле, а уши оттягивали изрядные серьги со многими камнями, красными и зелеными.

От всей этой роскоши он было шарахнулся, но вдруг понял – голос знакомый. И раскосые глазищи – вроде тоже. Вгляделся – точно, это была Дунька-Фаншета, румяная, свежая, счастливая. И все лицо в мушках! Так, что моднее и представить невозможно.

Как обходиться с содержанкой – Архаров не знал. Точнее, знал – в соответствии с рангом ее любовника, но поди пойми, кто подобрал девку. Похоже, человек богатый. Но и богатые всякие бывают...

– Не признали? – вдруг обиделась Дунька. – А я вас помню! Помню, как вы нас в лазарет на фуре отправляли! Мы вам все обязаны... я помню... хотите, приеду?

– Куда?

– В гости, вечерком, только я в другой карете буду. Хотите?

– Да Бог с тобой, какие тут еще обязательства, – несколько растерявшись, отвечал бойкой Дуньке Архаров. И совсем было кинулся спасаться бегством, но вдруг его осенила мысль простая и мудрая.

– Так не желаете? – Дунька даже растерялась от такого странного к себе отношения.

– А что, Дуня, и приехала бы, – негромко сказал Архаров. – Я на Пречистенке поселился, спроси дом Архарова – всякий покажет.

– Хорошее место, – одобрила Дунька. – Мы тоже туда переберемся. Там теперь многие строиться будут. Я к вам, сударь мой Николай Петрович, девку пришлю предупредить. Я-то не каждый вечер выбраться могу. А приеду!

– Непременно приезжай, я своим людям скажу, что жду гостью, тебя прямо ко мне и проведут. Скажешься Фаншетой, – велел Архаров.

От Дуньки, залетевшей неожиданно высоко, могла быть немалая польза – такого рода девки, что дорого берут за свою любовь, знают обыкновенно всех богатых шалопаев, кутил и игроков, а также все новости того круга, где играют по-крупному.

– Прощай, монкьор! – по-модному воскликнула Дунька, послала воздушный поцелуй и поспешила к своей карете.

Архаров испытал желание почесать в затылке. Надо же, как ее судьба ввысь подкинула...

Решив, что Левушке в его разысканиях мешать не следует, он сел в карету и велел везти себя обратно на Лубянку, сильно недовольный тем, что вообще отправился на Ильинку. Час времени потратил – правда, приобрел стулья. Какого черта он вообще вместе с Левушкой вышел на улицу, сел в карету? Как оно вдруг получилось? Почему, довезя его до Ветошного, не уехал сразу?

А потому, что сам себе врал, определил Архаров. Сам перед собой делал вид, будто все образовалось случайно. И возможна случайная встреча. Больше так нельзя. Блажь, блажь... от воздержания, не иначе... нужно будет послать за Марфой, пусть подыщет чистую и неприятельную вдовушку, а он уж сколько надобно будет платить...

На Лубянке его ждали Устин Петров с двумя томами под мышкой и Шварц.

– Ваша милость, я отыскал, вот он, указ, в доподлинности, – сказал Устин.

– Прочитай.

Оказалось – 10 марта 1766 года был подписан государыней указ о том, чтобы картежные долги уничтожить и при живом отце неотделенным детям не верить. Что означало – вексель, подтверждающий карточный долг, не может быть опротестован судебным порядком. И обязательствам недорослей также веры нет – что и должен запомнить всякий, желающий облапошить почтенное семейство через посредство сынка-недоумка. Что-то такое Архаров и раньше слышал, но сам он уже много лет, как из недорослей перешел в солдаты, а потомства, способного на шалости, не завел, и картежных долгов тоже почти не делал – так что указ ему был до сих пор без особой надобности.

– А вот еще один, по сей день не отмененный, – Шварц раскрыл второй том, стоящий из подшитых бумаг и заложённый опрятным шнурочком.

– Читай, Петров, – приказал обер-полицмейстер.

Устин не сразу разобрал старинный почерк, да и неудивительно – указ был сорокалетней давности, во всей Москве о нем, может, один лишь дотошный Шварц и помнил.

– «Понеже указом Государя Императора Петра Великого, – так приступила к делу императрица Анна Иоанновна, – в прошлом 1717 году в народ публиковано, дабы никому в деньги не играть под тройным штрафом обретающихся денег в игре. А как нам известно учинилось, что не токмо по тому указу такая богомерзкая игра не пресекалась, но многие компаниями и в партикулярных домах как в карты, так и в кости и в другие игры проигрывают деньги и пожитки, людей и деревни свои, от чего не только в крайнее убожество и разорение приходят, но и в самый тяжкий грех впадают и души свои в конечную погибель приводят». Засим следовало запрет играть в карты на деньги и указывалась мера наказания – тройное изъятие обретающихся в игре денег в первый раз, во второй – тюрьма на месяц для офицеров и знатных людей, а игроков подлого происхождения бить батогами нещадно.

– Нет, пугать нашего вертопраха незачем, – решил Архаров. – Забери старый указ, Карл Иванович, а ты, Петров, отправляйся ко мне, покажи новый недорослю. Может, уразумеет, что его обязательства недействительны, и даст более путные показания.

Вельяминов и ночевал, и завтракал, и обедал в его доме под присмотром Никодимки.

Сам же Архаров полагал выслушать доклады о ведении некоторых дел, и действительно начал было, но к нему прислали от Волконского. Следовало ехать.

Полагая – и тут он не ошибался, – что это старая княжна воду мутит и, скорее всего, жалуется на грубых и неотесанных архаровцев, Архаров сел в карету, на запяжки поставил двух молодых, Захара Иванова и Клавдия, тоже Иванова, и велел везти себя к князю, готовый защищать Левушку и Федьку от нападков. Но недалеко он отъехал.

Быстрый человек пересек улицу, вскочил на кучерскую подножку, обернулся – и в окошечке Архаров увидел ошалелое Федькино лицо.

И порядком помятое лицо – на щеке ссадина, глазу досталось... подбородок кровью измазан...

Он тут же открыл окошечко.

– Беда, ваша милость! Насилу догнал! – крикнул Федька. И тут же приказал кучеру: – К Охотному ряду, а там – по Моховой!

– Ты чего раскомандовался? – спросил Архаров, несколько даже растерявшись. До сих пор его так беспардонно не похищали вместе с каретой.

– Беда, говорю! Гони, Сеня!

– Пожар у нас, что ли?

– Нет, не пожар, а я дурака охранять место злодеяния поставил! Вы же к его сиятельству ехать собрались? Так рано ж! Сперва бы разобраться!

– Это по делу беглой девки, что ли?

– Оно самое!

Но Федьке затруднительно было докладывать, мостясь рядом с кучером, и Архаров взял его в карету.

Оказалось вот что.

Федька решил докопаться до правды в этом деле не только потому, что так велел командир. И не только потому, что хотел накопить служебных успехов, выдвинуться, получить чин, иное жалование, снять хорошую квартиру, приодеться. Все это само собой разумелось – а только он не мог забыть печальной миниатюры, которую Левушка – может, по рассеянности, а может, и по иной причине так и оставил висеть на шее.

Поэтому Федька самостоятельно пошел узнать, не вернулся ли доктор от старой княжны. А если вернулся – уговорить его взять извозчика (попробовал бы извозчик содрать деньги со спешащего архаровца! Тут же бы его по ярлыку определили и много неприятностей устроили!) и доставить туда, где он спокойно растолкует, что творится в доме старой княжны. Тем более – сам изъявил желание.

Дом Флейшмана был невелик, о двух этажах, второй сдавался. Там доктор нанимал одну комнату с полным пансионом, а две – какой-то рязанский помещик, приехавший судиться и застрявший в Москве на полгода. Федька спросил у хозяйки, хорошенькой беленькой немочки, которая нянчила близнецов и по такому случаю из дому почти не уходила, передана ли жильцу записочка. Оказалось – из боязни, что жилец придет очень поздно, а уйдет очень рано, хозяйка решила сунуть записочку в дверь. И еще заметила, что господин Ремизов нынче нарасхват – его еще некий господин вечером спрашивал, все никак не верил, что жильца нет дома. Замороженная младенцами хозяйка велела тому господину подняться наверх да и постучать, а самой ей бегать недосуг. Заодно попросила – коли доктор так незаметно прокрался, что она не слышала, отдать ему записку, а коли его нет – так сунуть в дверь.

Федька вышел во двор и возле той отдельной лестницы, что вела наверх, в комнаты Ремизова и помещика, столкнулся с человеком.

– Там, чтобы на лестницу попасть, нужно сперва войти в сенцы, и в сенцах сразу лестница начинается, под ней всякий хлам. Дверь отворилась, он выскочил, – рассказывал Федька. – Шитье блеснуло – но, сдается мне, это на нем дорогая ливрея была. Хотя – черт его знает. Выскочил мне встречь, мы грудь в грудь столкнулись, но я туда спешил, он – оттуда, я даже его в лицо бы теперь не признал, все очень быстро вышло. Я – наверх, дверь закрыта, никакой записки не торчит. Взял ее доктор, стало быть. И тут мне в башку ударило – от кого же этот торопыга выходил? Я вторую дверь тряхнул – заперто. Второго жильца, выходит, нет. Тогда я к доктору ломанулся – а дверь-то лишь прикрыта! Влетел! Ну и вижу – помирает наш доктор, лежит на полу и помирает! Я кинулся, ногой двинул, мы сцепились...

– С кем сцепились? – пасмурно любопытствовал Архаров.

– Так там же еще человек был! Первый выскочил, второй замешкался. Они доктора ножом пырнули, нож застрял, он выдернуть хотел, выдернул, а тут я... у него нож в руке... я вывернул...

Федька замолчал.

– Дальше, – тихо велел Архаров.

– Что – дальше... Что мне еще оставалось?.. Или он меня, или я его...

– Дальше.

– Я вниз кинулся – второго догонять. Не догнал, зря народ переполошил. А он, сука, не ждал, пока тот спустится! Я солдата поймал, велел стать у двери, охранять, сам – за извозчиком, сюда, вы укатили, я за вами...

Солдат – дурак, ни черта не понял...

– Архаровец ты, – сказал Архаров. – Солдата нужно было за подмогой слать, самому оставаться.

– А чего оставаться – двух покойников стеречь?

Но дело было не в этом доводе рассудка – Архарову показалось, будто он уразумел, что двигало Федькой. Это чувство очень хорошо определялось французским словом «азарт». Сиречь – задор, горячность, запальчивость.

Слов, какими перевести, много – а все не то...

Федька не мог сидеть на лестнице, охраняя два тела, ему непременно нужно было, разгоряченному дракой и погоней, бежать, нестись, что-то делать... или же то, что он совершил, вызвало в его душе взрыв отрицания – он не мог позволить себе спокойно сидеть рядом с убитым им человеком, он должен был продолжать действовать, имея простую и четкую цель – найти того единственного, кто мог его казнить или миловать на этой земле, действовать – чтобы не мыслить...

И вот сейчас, глядя на него, потрепанного и измазанного кровью, Архаров вдруг сообразил: да ведь Федька еще очень молод, немногим старше Левушки, чем и объясняется его неистраченная горячность – да еще имеющая свойство проявляться очень бурно. А другое – он уже однажды убил человека, убил в пьяной драке дружка-приятеля и сам себя казнил за это лучше всякого Шварца с кнутабойцами. И сейчас, как он ни пытался выставить себя доблестным и отчаянным полицейским, глаза выдавали страх, Федька даже боялся сам себе сказать безмолвно: Господи, да что же я опять натворил?..

И какое же объяснение было верным, первое или второе?

Федькино лицо неуловимо менялось, показывая Архарову: первое! нет, второе! нет, все же первое...

Карета меж тем неслась по Моховой, и Захар с Клашкой, мотаясь сзади, недоумевали – какой князь Волконский, нас что-то совсем не туда везут!

В Колымажном поднимался над домом Флейшмана густой дым и из одного окна уже лезло пламя. Обыватели устремлялись вытаскивать имущество, но не всем хватало духа – а только самым жадным.

– Захар, Клашка, держи воров! – крикнул, выскакивая из кареты, Архаров и тут же метнул вперед кулак. Кулак встретил непрочную преграду, мужичишка, прижимавший к груди охапку тряпья, улетел влево.

– Стрема! Полицмейстер!..

Стало ясно, что на дым и крики тут же понабежали мошенники.

– Ухряй, мазуры! – заорал сам Архаров. И точно – от дома отбежали еще двое.

Дальше была безобразная драка, в которой досталось и правому, и виноватому. Хотя вышла она короткой – в Москве уже раскусили натуру нового обер-полицмейстера: хмур и задумчив лишь до той поры, как появится повод махать кулаками. Не хочешь этакого благословения – удирай, покуда цел. Вот и вышло, что тушить некому...

Захар Иванов, вывернув на себя ведро воды, вбежал в дом и оттуда подал в окно детей. Кучер Сенька выпряг лошадь и поскакал за пожарной командой. В Москве уже кое-где стояли каланчи и дежурили на них служители, но позвать самим – как-то надежнее.

Федька пытался было пробиться на второй этаж, в самое пекло, – но Архаров так орал ему вслед, угрожая и поркой, и мордобоем, что пришлось отступить.

Наконец явился Сенька, за ним прикатили пожарные фуры с насосом и трубами, вода из ближнего колодца залила первый этаж, а во втором уже и заливать было нечего.

Архаровцы стояли во дворе кучкой и глядели, как догорает верх дома. Мокрый Иванов, голый по пояс, выжимал рубаху. Сенька тихонько выпрашивал – что да как. Федька и Архаров, чуть в стороне, разбирались – что же такое произошло.

– Какого черта ты солдата оставил? Ну и где теперь твой солдат? – допытывался злой, запыхавшийся, чумазый и взъерошенный Архаров. – Сбежал?! И что вы там такое понаписали с Тучковым в записке? Что вы понаписали, если из-за вашей бумажки человека убили?!. И дом подожгли?!

Федька молчал – записку Левушка ему не показывал, что касается солдата – оплошность, да, готов спиной расплатиться.

Подошел унтер-брандмейстер, поклонился.

– Ваше сиятельство...

Сиятельством Архаров не был, титулов не имел, но пожарный решил, что так как-то надежнее.

– Докладывай, Еременко.

– Там ребята наверху два тела нашли, до них не добраться. Можно попробовать вытащить баграми.

– Вытаскивайте, – распорядился Архаров.

Тут прибыл помещик, нанимавший две комнаты, и обнаружил себя погорельцем. С претензиями полез к Архарову. Делать этого не следовало – на его-то голову и вылил обер-полицмейстер все свое неудовольствие. Тем временем Еременко, видя, что начальство делом занято – дурака в хвост и в гриву кроет, тихонько отозвал Федьку.

На землю удалось спустить только одно тело – человека, которого Федька пырнул под сердце его же ножом. Лицо покойника обгорело, но Федька признал его по стати – он был помельче молодого и полноватого доктора. И как еще обгорело – похоже, в это мертвое лицо ткнули горячей головней и держали так довольно долго.

Тело лежало у его ног – тело убитого им человека. Федька вздохнул и опустился на корточки – выворачивать карманы. Скоро образовалась на траве кучка: платок, табакерка, кошелек, перочинный ножик, замшевый мешочек... Федька раздернул шнурок – внутри были игральные кости в кожаном стаканчике и обтрепанная по углам карта – дама крестей. И скомканную бумажку нашел с какими-то цифрами и записями. Не по-русски...

Архаров подошел и присел, упираясь руками в колени.

– В этом деле французским духом тянет, – сказал он, ткнув пальцем в бумажонку. – Глянь-ка на его тельник, православный или католический.

Федька осторожно, двумя пальцами, прокопался под рубаху к покойнику, вытянул цепочку и крест. Четвероконечный. Католический.

На обгоревшее лицо глядеть было неприятно – на него набросили какой-то лоскут. Архаров этот лоскут приподнял и тут же опустил.

Лица не врут. Но это – уже было за пределами правды и лжи, хотя...

Он дернул за буклю обсыпанных копотью волос. Предположение подтвердилось – покойник был в парике. Свои бы волосы, поди, вспыхнули факелом, а дешевый нитяной парик огню воспротивился. Под ним была круглая плешь, обрамленная седыми волосами. Правда, плешь странная, поросшая коротеньким редким ежиком...

– Мать честная, Богородица лесная! – воскликнул Архаров. – Да это ж католический патер! Или как его там! Федька, обшарь его как следует! Может, четки найдутся, или молитвенник, или еще что!

Но никаких принадлежностей ремесла не обнаружили.

– Он такой же патер, как я – повитуха, – вдруг сказал Клашка Иванов, оказавшийся рядом. Совсем еще молодой и необстрелянный, он сперва не подходил к мертвому телу, потом осмелел.

– А ты почему знаешь? – спросил, не оборачиваясь, Архаров.

– Руки.

– Точно...

У человека с выбритой плешью ногти были больно грязны и неухожены.

Архаров выпрямился. Нужно было что-то решать.

– Тело доктора – снять, доставить в приходский храм, пусть старухи обмоют, приготовят к отпеванию. Иванов!

– Я! – отозвались оба.

– Клашка. Тебе за сообразительность задание – останься тут, расспроси людей, добеги до Воздвиженки, спроси дом Шестуновой, что ли. Узнай у дворни, может, слышали, есть ли у доктора хоть какая родня. Захар! Патера – на фуру, доставь на Лубянку, пусть снесут в подвал, положат на лед. Потом бери извозчика, поезжай за Матвеем Воробьевым, привези живого или мертвого, пусть посмотрит и выскажется.

– Будет исполнено, – отвечали Ивановы.

– Федор! Чего скучился? Поедешь со мной к князю Волконскому. Расскажешь, как пытался задержать убийц доктора. И стой на том, что кабы старая дура не препятствовала ему рассказать вам с Тучковым нечто важное о побеге своей девки, то был бы жив!

Подумал и добавил:

– Старых дур тоже уму-разуму учить надо...

* * *

Тереза Виллье стала хозяйкой модной лавки не от природной склонности к торговле или от нежной женской любви к модным товарам, а в отчаянии.

Когда после нападения на ховринский особняк ее покинул отправленный к мортусам в барак Клаварош, она поняла – вот теперь все, погибель, спасения нет. Клаварош несколько дней спустя прибежал, оставил еды, ничего не объяснил, исчез, и смерть немного отступила...

А потом явился молодой офицер и выложил на крышку клавикордов холстинный узелок.

– Велено вам передать, мадмуазель, – сказал он по-французски. – Некая особа дарит вас сими безделушками...

– Я не могу принять, – тут же быстро отвечала Тереза. – Я девица низкого звания, но честью своей дорожу не менее знатной госпожи!..

Молодой офицер почему-то звонко рассмеялся (он вообразил Архарова, деловито покушающегося на честь девицы, картинка получилась презабавная, но Тереза этого не знала) и сказал:

– Успокойтесь, вам, к сожалению, сие не грозит. Берите подарок спокойно.

Он развязал узелок и показал Терезе целое сокровище. Архаров набрал в сундуке монет и побрякушек щедрой рукой.

– Я не могу это принять! – воскликнула она.

– Мадмуазель, вы это примете! – тут же выпалил он.

– Но с какой целью? Зачем? Что я должна сделать взамен? – взволновалась Тереза. Все это было – как сцена из романа, и она ожидала какого-то невероятного приказа.

– Есть некое условие. Вы должны будете оставить музыкальные занятия и открыть лавку, – сказал молодой офицер. – На Ильинке! Знаете, где это? Чума идет на убыль, скоро в город начнут возвращаться богатые госпожи, вы имеете шанс составить себе состояние.

Предложение было странным – но, если уж оставаться в Москве, то не учительницей музыки и не гувернанткой. При одной мысли о своем ремесле Тереза осознала, что скорее сунет голову в петлю. Опять в богатом доме? Где есть настойчивые мужчины? И их маменьки, жены, сестры, готовын загрызть за одно лишь то, что обратила на себя внимание?..

– Очень хорошо, – отвечала Тереза. – Я буду считать, что это дано мне в долг...

– Не надо так считать, – попросил молодой офицер. – Лицо, пославшее вам эти безделушки, сильно огорчится.

Они еще немного поперекались. Тереза уточнила – точно ли от нее требуется только отказ от музыки. Офицер подтвердил – именно так. И вдруг ее осенило.

Неведомая особа нашла единственно возможный выход из положения, в которое Терезу загнала судьба. Это было сродни проламыванию дырки в каменной стене – но как же быть, если нет дверей?

– Пожалуй, я возьму подарок, – сказала Тереза. – И передайте тому лицу, что я отплачу ему полным и точным выполнением его пожелания. Я оставлю музыкальные занятия.

Левушка удивился выражению ее лица – с таким выражением петлю намыленную себе на шею надевают...

Тут же Тереза принялась уничтожать прошлое – начала с того, что вздумала порвать нотные тетради. Офицер отнял у нее тетради, тогда она ушла из гостиной. И музыка, словно пожелав с ней проститься, вдруг зазвучала, понеслась ей вслед! Как на грех, офицер взялся играть одну из пьес, что с такой живостью исполнял на клавикордах он... Мишель...

(Потом Левушка попытался пересказать Архарову странный разговор, но тот отмахнулся – было не до девиц с клавикордами, решалась судьба будущих архаровцев. И впредь они о том подарке молчали, как если бы его не было, пока Левушка не уехал вместе с прочими преображенцами обратно в Санкт-Петербург, Архаров же остался принимать полицейское хозяйство).

Тереза выполнила пожелание буквально. С того дня она даже мимолетным движением не коснулась клавиш.

Но, вспоминая все, связанное с офицерами, побывавшими во время чумы в ховринском особняке, она сообразила, кто та загадочная особа – некрасивый, более того, неприятный на вид офицер, который вломился за ней следом в темную гостиную и которого она потчевала музыкой, покуда не сбежал. Офицер ей очень не понравился – но этот человек нечаянно придумал, как ей отсечь от себя прошлое. Музыка была ее жизнью, музыка была ее юностью и любовью. Пока Тереза принадлежала музыке – прошлое никак не желало умирать, потому что каждая музыкальная фраза снова и снова воскрешала его.

Начать новую жизнь можно было только так, как додумался Архаров, – без единого музыкального аккорда!

И Тереза начала ее, начала, как всякая француженка, желающая успеха в торговле, с перемены имени. Теперь она звалась мадам Фонтанж – ярко, празднично, торжественно. И даже всякая старая просвирня на Москве знала, как наивывают по-французски таких молодых и нарядных хозяек модных лавок – маршан-де-мод.

В лавке у мадам Фонтанж было не больно просторно – помещалась она сама с помощницей, да прилавки, да шкафы со стеклянными дверцами, да стулья для двух-трех покупательниц-дам в широких фишбейновых платьях, да консоли, на которых удобно было ставить деревянные болванки с большими чепцами из батиста и кружев, отделанными лентами разных цветов. Там же стояли модные куклы в платьях всех сортов и с разными к ним принадлежностями: те, что носят дома и не при весьма чиновных визитах, те, что надевают на гулянье, и праздничные.

В шкафах под стеклом Тереза держала дорогие кружева, посуду и фарфоровые фигурки, а также небольшие дамские табакерки – как раз самые модные дамы уже позаимствовали у мужчин моду нюхать табак, и Тереза даже сама не расставалась с табакерочкой, чтобы подвигнуть покупательниц к покупке. Правда, не нюхала – Клаварош отсоветовал.

В окне же была выставлена искусно вылепленная восковая дамская голова с черными волосами лучше, чем когда-либо их удастся уложить на живом человеке, и в таком восхитительном чепце, что ноги сами вносили покупательницу в двери прежде, чем она успевала осознать красоту приманки. Рядом глядела на нее другая, с волосами соломенного цвета и в шляпке. Юная Терезина помощница Катиш как-то, желая прибавить красоты, немилосердно обе восковые головы нарумянила. Еле потом отчистили те румяна.

Словом, образовалось модное гнездышко, где любой другой девице ее лет жилось бы счастливо. Однако Тереза, выучившись щебетать о кружевах и лентах, не испытывала к ним горячей любви. И в торговле ей многое было не по душе. Особенно удручала необходимость говорить с покупательницами по-русски.

Конечно, приезжали и молоденькие хорошо воспитанные щеголихи, знающие французский и получающие от него удовольствие. Но московская барыня средних лет могла разве что поздороваться и осведомиться о погоде. Когда доходило до выбора товара – тут же пускалось в ход русское наречие.

Когда Архаров незамеченным проходил мимо лавки, старательно глядя в другую сторону, Тереза как раз принимала покупательницу – молодую купчиху из недавно разбогатевшего семейства. Видно было, что красавица очень неловко себя чувствует в платье с открытой грудью, а носить нужно – чтобы не позорить мужа своей русской старомодностью.

– А растолкуй, матушка мадам, для чего они так малы? – спросила, прикладывая к руке браслет, пышная красавица.

– Извольте разуметь, сударыня, – почти чисто выговаривая по-русски, произнесла Тереза. – Подвижный браслет должен указывать на изящество руки, плотно к ней прилегающий браслет – на ее приятную полноту.

Купчиха уставилась на свое налитое запястье.

– На соблазнительную полноту, – подчеркнула Тереза, и тут дверь распахнулась.

Влетела щеголиха, лет этак восемнадцать или девятнадцать, о которой, если судить по внешнему виду, можно было бы сказать так: то ли юная жена богатого пожилого мужа, осознавшая бедственность своего положения, то ли ранняя вдовушка, скоро затосковавшая на пустой постели. Однако щеголиха заговорила – и тут Тереза поняла, с кем имеет дело. Вдовушка из небогатых, которой Фортуна послала поклонника с туго набитым кошельком...

– Сказывали про тебя, сударыня, что у тебя ... – бойким московским говорком приветствовала красавица и принялась перечислять все, чего ее душеньке было угодно отыскать в модной лавке: и длинные ажурные чулочки, и расписные веера, и ленты модных оттенков, и кружевные косыночки-фишю, прикрывавшие грудь ровно настолько, чтобы возбудить амурный интерес, и туфельки-мюли – без задников, которыми так сладострастно поигрывала в воздухе всякая жаждущая внимания хорошенькая ножка.

Щеголиха трещала, словно не видя другой покупательницы, трещала самозабвенно, многие названия правильно выговаривая на французский лад, однако Тереза вдруг поймала ее взгляд.

Щеголиха изучала хозяйку модной лавки тщательно, как если бы задумала приобрести ее самое.

Гляди, позволила Тереза, разглядывай, все на месте и все – по законам наилучшего вкуса. Подумалось было – все гармонично, однако мысль была недопустимая – Тереза решительно изгнала из жизни музыку, как явление по меньшей мере бесполезное, и все словечки, с ней связанные, тоже. Черные напудренные волосы приподняты надо лбом в меру – а не на пять вершков, как у одуревших от модных картинок дам, – и взбиты в меру. И никаких бус меж локонов не проложено, никаких ленточек, одна – и та на небольшом, опять же в меру кокетливом чепце-карнете, бледно-голубая.

И в самой главной точке декольте, где начинается ложбинка – не бант, а маленькая жемчужная подвеска, почти незаметная. Каскад бантов до талии – это на модной картинке, для покупательниц, чтобы брали ленты аршинами, а с хозяйки довольно одной этой случайно попавшей к ней подвески. Найденной в архаровском узелке и почему-то полюбившейся...

Равным образом и girлянды искусственных цветов – хоть к лифу прикалывай, хоть к волосам, хоть к подолу, вон они висят, аккуратно разобранные, свисают с жердочек, и вечно

за них беспокоишься – не залапали бы жирными пальцами... Зато хозяйка позволила себе дорогое кружевное модести, обрамляющее вырез. На него и полюбоваться не грех.

Щеголиха трещала, а купчиха, послушала ее, послушала, задрала подол и, выставив ногу, принялась одновременно требовать совета относительно пряжек для туфель. Обе друг друга уже не слушали и не слышали.

– Широкая пряжка на туфле способствует стройности ножи, сударыня, – одновременно выкладывая ленты для щеголихи, сказала Тереза. – У нас есть выбор... Катиш!

Выскочила помощница, опустилась на колени, стала прикладывать к туфельке то одну, то другую пряжку, от чего купчиха растерялась – ей трудно было сделать выбор.

Снова отворилась дверь, ворвался петиметр, купчиха пискнула и спрятала ногу под юбки. Щеголиха рассмеялась, и тут же начался амурный разговор. Оказалось, эти двое по всей Ильинке искали друг дружку.

Тереза поняла, что пошопоток от них не жди. Одна не за покупками явилась – а манеру перенять, другая, пока на нее свекровь не прикрикнет, выбора не сделает.

Были и другие покупательницы, взяли недорогие фарфоровые табакерочки, гребешки, коробочки с желтой пудрой для мужских париков. Все по мелочам, по мелочам – а, глядишь, и день не зря прожит, сколько-то прибыли имеется.

Ближе к вечеру решили, что в лавке и одна Катиш управится. Катиш постирала свои и Терезины кружева, еще какие-то вещички, и заняла хозяйское место. Ей нравилось быть в лавке главной. И она весьма любезно обслужила мещанку с дочерью, которые пришли набирать ленточек для приданого. Разумеется, сблагостила все немодные цвета, уверив, что их и сама царица в Петербурге носит.

Время было такое, что впору уже лавочку запирасть, и Катиш, не ожидая покупательниц, вышла на Ильинку – поболтать с соседками.

Меж тем Тереза скромно сидела в задней комнатке, где хранились не выставленные пока товары, и занималась важным делом. Хотя они и торговала дорогими кружевами, но сама менять их каждый день не могла. Поэтому приходилось отпарывать и стирать. А сушить ценное кружево – целая наука. Его, осторожно отжав, заворачивают в мокрую тряпку, чтобы слишком рано не лишилось влаги, и, вытягивая оттуда понемногу, накалывают на особый барабанчик.

Как раз такой барабан, обшитый желтой байкой, лежал на коленях у Терезы, и она аккуратно расправляла на нем широкую полосу золотистых блондов, закрепляя внахлест булавками. Расправив два-три вершка, вытягивала из влажной тряпицы следующий кусочек. И очень была поглощена этим делом, когда услышала, что дверь лавки отворяется.

– Катиш! – крикнула она помощнице.

Катиш не отозвалась, и Тереза поспешила сама встретить покупателя.

– Добрый день, сударыня, есть ли у вас черепаховые табакерки, которые не стыдно подарить другу? – довольно гладко, хотя не совсем правильно выговаривая слова, спросил по-французски мужчина в темно-синем, богатого цвета, бархатном кафтане, и Тереза сперва подумала, что бархат летом неудобен – в нем заживо испечься можно, а потом только осознала, что голос знаком, и как еще знаком!

Она окаменела, не зная, как быть – убежать было нелепо, но самой вступать в разговор с этим человеком – мерзко!

Он сделал еще шаг, удивленный молчанием хозяйки, и наконец-то посмотрел ей в лицо. А посмотрев – узнал...

– Тереза! Ты жива...

– Жива, – подтвердила она, повернулась и пошла прочь. Он, сбив по дороге консоль со стеклянным верхом, где лежали всякие трогательные мелочи – наперсточки, игольнички, мушечницы, выложенные перламутром, – кинулся за ней, схватил и развернул к себе.

От прикосновения пальцев пол ушел у Терезы из-под ног.

– Ты жива, – повторил он, – какое счастье!

– Прошу вас, сударь, уйдите! – сказала Тереза.

– Какое чудо, ты жива, – повторял он, не отпуская ее плеч. – Все полагали тебя мертвой...

– Для вас я мертва, уходите.

– Нет, я не уйду, раз уж я нашел тебя, я не уйду!

– Что же мне, звать на помощь? – и она действительно крикнула что было мочи: – Катиш!

Помощница на сей раз появилась сразу – возможно, заинтригованная тем, что пылкий кавалер вломился в задние комнаты лавки.

– Катиш... – а что приказать, Тереза не знала.

Помощница, девица лет двадцати двух, во все глаза смотрела на гостя. Он был хорош собой – высок, статен, причесан к лицу, и странными казались на этом смугловатом горбоносом лице светлые, почти прозрачные голубые глаза.

– Тереза, ты полагаешь меня виновным, но это не так, я ничего не знал, я потом только обнаружил твое отсутствие, это было ужасно, матушка приказала меня запереть, чтобы я не помчался в Москву...

– И что же, заперли?

Он промолчал.

– Ступайте, сударь, да впредь не извольте к нам жаловать! – крикнула по-русски Тереза. – Катиш, проводи господина и закрой дверь!

– Мы непременно должны увидаться, непременно, слышишь?

– Мы не увидимся более никогда! – это уж было заявлено по-французски.

Он, не обращая внимания на Катиш, стал целовать Терезу в щеки, в губы – мелкими, быстрыми, пылкими поцелуями. Такими, от коих голова идет кругом.

– Мишель, я вас ненавижу!.. – с грехом пополам выкрикнула беспредельно взволнованная Тереза и уперлась ему в грудь руками. Тогда лишь он отступил.

– Теперь я знаю, где тебя искать!

– Вы не смеете!

– Я приду вечером!

И этот страстный Мишель действительно покинул лавку, а Тереза побежала следом и задвинула тяжелый засов.

– Ну, что, Катиш, что ты так глядишь на меня? Разве я не похожа на брошенную женщину? – в отчаянии спросила она. – Вот этот человек – этот мужчина, этот дворянин! – соблазнил меня, как глупую девчонку, а потом бросил в зачумленном городе умирать! И ты еще удивляешься, что я отказала господину Спиридонову?

Катиш была девицей шустрой и сообразительной. Еще три года назад ее звали попросту Катюшкой, и числилась она крепостной девкой богатых купцов Лепешкиных. Она, как и Тереза, в чуму не выехала из Москвы, но по иной причине – она не могла оставить умирающих братьев. А затем это сделалось невозможно. Зараза Катюшку почему-то не брала, и она жила впроголодь, спуталась с солдатом, который приносил ей поесть, потом он же рассказал, что крепостным обоего пола, которые будут в чумных бараках ухаживать за больными, обещана воля. Катюшка набралась мужества и пошла через всю Москву к Данилову монастырю – наниматься в бараки. Обещание графа Орлова московские власти сдержали – девушка получила вольную. Какое-то время она пожила с немолодым доктором Аникишиным, с которым сошлась в лечебнице, потом доктор воссоединился со своим вернувшимся семейством, а Катюшку пристроил к приятелю-купцу, торговавшему галантерейным товаром. Оттуда ее переманила французская мадам, и Катюшка за полтора года сменила несколько лавок на Ильинке, одновременно осваивая язык.

Терезу она высмотрела сама, когда та еще только обустривалась, и явилась предлагать ей свои услуги.

Так что Катиш превосходно понимала, что творится в душе у ее молодой хозяйки. И по-бабьи знала – Терезе нужно выревветься и выговориться. Утешая ее и кляня что есть сил весь пол мужской, Катиш как-то одновременно выкидывала на стол конфеты, крендельки, бутылку со сладкой наливочкой, две стопки. И добила своего – пролились спасительные слезы.

– Он же мог за мной вернуться, мог! Его матушка не просто так меня в Москве забыла, я не кукла, не моська! Мосек всех увезли, а меня забыли – и я потом лишь догадалась, в чем дело! Катиш, мне показалось, будто я беременна, и я сказала ему! А он проболтался своей драгоценной матушке, вот почему меня оставили тут умирать! Разве графине Ховриной нужна невестка, которая зарабатывает на жизнь уроками музыки?

Вот тут Катиш и удивилась.

За все время, что они трудились вместе, Тереза ни словом не обмолвилась о том, что обучена музыке, и в квартирке, которую они снимали на двоих, не было ни флейты, ни скрипки, ни клавикордов. И не объяснять же помощнице, что, занявшись делом, которое ей грубо, но правильно присоветовал незнакомый офицер, музыку она из своей жизни вычеркнула. Даже когда, идя по улице, слышала из распахнутого окна клавикорды, – ускоряла шаг.

Но умница Катиш, о музыке более не спрашивая, наполовину по-русски, наполовину по-французски стала утешать хозяйку, приводя в пример своих собственных любовников и утверждая, будто они вели себя не немного лучше. Хотя солдат несколько месяцев кормил ее, да и доктор, пока его семья была в безопасном от чумы месте, неплохо о ней заботился.

– Разве ж я его не любила? Я все ему отдала! Он моим первым стал, Катиш, я долго себя блюла... Да лучше бы я его не дожидалась, лучше бы еще в Лионе по кривой дорожке пошла! – и Тереза бурно жаловалась на соблазнителя, который позволил ловкой матушке увезти себя в подмосковную, не говоря, однако ж, что в час соблазнения ей был уже двадцать один годок, а ему – всего-навсего восемнадцать. Очевидно, полагала, что сие не имеет значения.

– Коли увидишь, что он на улице – сразу дверь засовом закладывай! – вдруг принялась она учить помощницу. – Я не могу видеть его, он мне противен, отвратителен! Я сама себя боюсь – я же могу убить его, Катиш, я точно убью его! После того, что он со мной сделал... Он же душу мою погубил, Катиш, душа моя опустела, я никогда более никого не смогу любить – вот что он со мной сделал!..

Помощница со всем соглашалась, да и всплакнула с хозяйкой заодно.

– Не извольте беспокоиться, я все ножики спрячу! – обещала она. – А коли придет – я Кузьму кликну! Он с молодцами живо прибежит! Выставим, как нашкодившего пса, пинками!

Поблизости и впрямь имелись сильные молодцы – служили у того купца, что продал Архарову венские стулья. Понятное дело, молодежь из модных лавок галантонила и амурилась промеж собой напропалую, и Катиш времени зря не теряла. Она больше всего хотела выйти замуж за приказчика, скопившего капиталец, чтобы открыть свою торговлю, пусть не на Ильинке, да свою.

И подумалось ей, что коли бы тот еще не встреченный приказчик был так же хорош собой, как неожиданный любовник ее хозяйки, то лучшего она бы и не желала.

Тереза продолжала, плача и ругаясь, рассказывать горестную свою историю, а Катиш слушала внимательно, так что вскоре поняла, кто таков роковой соблазнитель – граф Михаил Ховрин.

Как и положено шустрой московской девке, она любила узнавать новости о графских и княжеских семействах – кто, да с кем, да как, да был ли ребеночек, да знает ли муж, да будут ли венчаться. И, слушая, тут же дала себе задание – узнать поболее про Ховриных, во-первых, любопытно же, а во-вторых, поди знай, авось и пригодится.

Сердце ей подсказывало, что страстный Мишель еще не раз объявится на Ильинке.

А Тереза вдруг ударила обеими руками по столу. И замерла – в душе все отозвалось каким-то удивительно слаженным и грозным аккордом.

Жизнь рушилась, музыка возвращалась...

* * *

Архаров поехал к князю Волконскому сразу после пожара, лишь размазав платком грязь на роже. И, сидя там за столом, послал к себе на Пречистенку сказать – пусть топят баню. Князю же сгоряча все отпел про старую дуру Шестунову: сдастся, ей нужно лишь видимость поисков создать, перед кем-то неведомым оправдаться. Волконский согласился – Шестунова непременно перед нем-то отчитывается в воспитании девицы.

Вернувшись от князя, Архаров отказался от ужина – Волконский был хлебосолен – и сразу же собрался отмываться в баню. Пока истопилась окончательно и нагрелась вода, посидел с Устином, разбирался с кое-какими бумагами. С собой взял в парилку Сеньку-кучера, который оказался и превосходным парильщиком. Нужно было как-то избавиться от всей сегодняшней суеты.

Баня стояла при службах, особо, и для хождений в нее Архаров еще весной завел особый наряд.

Огромный просторный дом, который при Архарове еще ни разу по-настоящему весь не протопили, отсырел хуже Ноева ковчега. Нарядный лазоревый шлафрок эту сырость позорно пропускал. Архаров велел послать по лавкам, и ему привезли кафтан не кафтан, халат не халат, шлафрок не шлафрок, а нечто длиной до пят, клюквенно-розовое, подбитое коротким темным мехом, широченное – коли запахнешься натуго, левая пола чуть ли не на спину заходит, – и на серебряных крючочках.

Цвет его не смутил, он тут же завернулся в покупку и был премного доволен. Для походов в баню недоставало валенок – вот кабы ему кто раздобыл теплые серые катанки, он был бы просто счастлив. Можно даже без вышивки на голенищах. Но потеплело, и он отложил покупку до лучших времен.

Распаренный и безмерно довольный, Архаров, похожий в своем одеянии почему-то на сытого турка, отправился на поварню – убедиться, что все благополучно, и нагрузить Никодимку самоваром. Время было позднее, однако камердинер потащил заранее растопленный самовар в хозяйскую спальню, а Архаров пошел следом. Туда же, в спальню, был зван Устин и угощен чашкой чая с баранкой. Пока Архаров наслаждался, Устин почитал вслух государинин Наказ Главной полиции – то есть, было исправно совмещено приятное с полезным. А потом они вместе прочитали перед образами вечернее правило – читал Устин, помнивший его наизусть, Архаров же повторял вполголоса. Оказалось, иметь в писарях бывшего дьячка – дело душеспасительное.

– Дождь, что ли, пошел? – спросил Архаров Никодимку, пришедшего за самоваром.

Никодимка прислушался – что там делается за окошком.

– Моросит маленько. К вечеру парить стало – нельзя без дождя.

– Что бы ему днем пролиться... – проворчал Архаров, вспомнив о пожаре. Этот пожар еще долгонько разгрести придется... впрочем, утро вечера мудренее, сейчас нужно все повыбрасывать из головы, не то, Боже упаси, приснится!

Совсем уж было собрался обер-полицмейстер завалиться в постель, как в дверную щель вставилась красивая Никодимкина голова.

– К вашим милостям девка!

– Какая девка?

– Простого звания, сказала от Фаншеты.

– С запиской, что ли? – вспомнив Дуньку, предположил Архаров. – Ну так возьми записку, тащи сюда. Девке дай пятак за труды.

– Хочет непременно в собственные руки... – тут Никодимка закатил глаза к потолку, подумал и выпалил: – Сан манке!

У Архарова в особняке было немало всяких недоразумений – то дверь в третьем жилье повадилась сама среди ночи со скрипом отворяться, то дикий голос, опять же ночью, гудел и гулял по всему дому. Насчет голоса дознались – пожилой дворецкий Меркурий Иванович разучивал модные песни, не сообразив, что в особняке умопомрачительное эхо. А теперь вот Никодимка, взяв пример с архаровцев, стал перенимать у Клавароша всякие французские словечки. Веселый француз снабжал его в изобилии, но подозрительный Архаров чуял – тут дело неладно, в один прекрасный день Никодимка такую французскую матерщину загнет, искренне полагая ее приличными словесами, что позора на много лет вперед хватит.

Одно то, как он старательно мычал в нос, передразнивая француза, уже заслуживало хорошей порки.

– Ч-черт... – ругнулся Архаров. Он сообразил, что откуда тут взяться записке? Дунька-то писать не умеет!

– Так вести, что ли?

– Веди сюда.

И запахнулся поплотнее, и встал, чтобы встретить гостью стоя, а то невесть что подумает. При всей своей решительности и пренебрежении ко многим светским условностям, Архаров вечно побаивался, что дамский пол поймет его как-то не так и будет потом предъявлять однообразные претензии.

В спальню проскользнула невысокая девка, до самых глаз укутанная в накиннутую на голову отсыревшую клетчатую шаль. Она действительно оказалась простого звания – даже не в модном платьице, как полагалось бы горничной девке содержанки, а вовсе в легком сарафане.

Девка довольно низко поклонилась.

– Ну, говори, что Фаншета передать велела, – позволил Архаров.

Девка повернулась к Никодимке, всем видом показывая: вот этот здесь нам не надобен.

– Поди вон, – мирно приказал камердинеру Архаров. И, когда дверь закрылась, повторил адресованную девке просьбу.

Однако она молча подошла к нему, и даже не подошла, а как-то вмиг оказалась рядом, грудь в грудь.

– Не шали, – отступая, приказал Архаров. – Кому сказано – не шали!

Последний шаг назад оказался лишним – обер-полицмейстер, подбитый под зад собственной кроватью, невольно шлепнулся на перину.

Девка скинула с головы шаль и расхохоталась.

Это была сама Дунька-Фаншета.

– Долг платежом красен! – закричала она. – Тут вы, сударь, не отвертитесь!

И нахально завалила на спину человека, которому не отказала бы, поди, самая привередливая из московских невест.

Архаров хотел было сказать Дуньке, что она все делает неправильно – это не ей нужно безобразничать, а ему самому, ей же – ждать, чего он соблаговолит придумать или потребовать. Таковы были условия амурной связи Архарова с какой бы то ни было женщиной, и, помнится, тогда, в Зарядье, Дунька вела себя, по его разумению, безупречно.

Но и сейчас получалось неплохо.

Дунька растребушила на нем розовый кафтан, раздернула на груди рубаху, но ему пришлось отпихнуть ее, чтобы встать – все-таки нехорошо лежать под бабой кверху пузом, неправильно, не она тут главная. Дунька, добрая душа, сама протянула ему руки, чтобы вытащить его из перины, и, видя ее разудалую улыбку, Архаров и сам невольно улыбнулся.

Дунькино лицо было честным – она и впрямь радовалась своей проказе.

Он прямо по-русски весело сказал ей, что и как собирается с ней сделать, а Дунька хохотала-заливалась и в нужную минуту опрокинулась на спину наилучшим для него образом... кажется, ей даже все это понравилось...

Потом она подвинулась, давая ему прилечь рядом, и обняла, и притихла. И ни словечка не произнесла – за что всякий мужчина женщине должен быть просто благодарен.

Архаров же, когда горячка спала, задумался вот о чем: красную цену Дуньке он знал, цена была названа еще тогда, в Марфином домишке, в чумную осень, и с того времени Дунька моложе и свежее не стала. Но тогда она была – шалая девка из Зарядья, да еще и попавшая в беду – вовремя не сбежала из чумного города, теперь же – вон какие ажурные чулочки взметнулись к потолку... знать бы, как положено платить чужой содержанке? Для Дуньки полтина – в самую пору, а содержанкам, поди, сотня полагается?

Не заплатить он не мог. Не так сам себя воспитал.

Тут некстати вспомнился Шварц – нарисовался в голове, как живой, с поднятым вверх указательным перстом и назидательным изречением на устах: «Всякий труд должен быть оплачиваем».

Опять же – должность. Обер-полицмейстеру совать девке за услугу полтину – как-то нехорошо, не по чину. Надо больше, но сколько? Может, с высоко залетевшими Дуньками не звонкой монетой, а имуществом расплачиваются? Перстеньками, каретами, платьями, мебелью? Архаров не знал, да и перстеньков не имел, вот разве что те новехонькие вызолоченные стулья с Ильинки. Вообразив себе Дуньку, перетаскивающую под дождем полдюжины стульев, он невольно усмехнулся.

Нет, коли она повадится к нему бегать, то нужно как следует подумать об оплате... и вообще устроить так, чтобы повадилась, это избавляет от большого неудобства...

Да, ее нужно как следует отблагодарить. Она ворвалась вовремя. Она избавила от большого затруднения, сама того не зная. Она вытряхнула из души смятение, погнавшее на Ильинку, и вселила туда звонкую и блаженную пустоту. Вот только Архаров не знал подходящих слов для таких объяснений. Он даже не представлял, как вообще в таких обстоятельствах можно благодарить словами.

– А нам, Дуня, кое о чем потолковать надобно, – сказал он наконец.

– А потолкуем, – как-то очень сонно отвечала она, и тут лишь Архаров понял причину ее умного молчания – Дунька вздремнула. Он легонько похлопал ее по плечу.

– Аюшки?

– Потолкуем, Дуня. Ты, я гляжу, совсем дама сделалась. Сожитель твой на тебя денег не жалеет.

– Да ну его совсем... ты лучше.

Архаров ужаснулся – ну как шалая Дунька в голове своей решила, будто нужно бросить того сожителя и пойти к нему на содержание?!

– Я тебе дело говорю, – строго молвил он. – У тебя, коли по твоей карете судить, дом открытый, гости бывают.

– Да наезжают, только все старики. Мой-то хитрый.

Тут и пришло окончательное озарение.

– И в картишки играют?

– Так для того и ездят! Мой велел, чтобы всегда в доме нераспечатанные колоды были. И угощение им выставаем. Не хуже, чем в Париже, – вино и бисквиты! А потом три-четыре старичка обязательно ужинать останутся.

– А сама? Сидишь с ними? В мушку хотя бы?

Архаров нарочно назвал одну из несложных модных игр.

– Бывает... – тут Дунька поняла, что амуры иссякли, пошла неожиданно деловая беседа. – А на что тебе?

– Так, может, и записных игроков знаешь? Тех, кто с карт кормится? Не может быть, чтобы они твое гнездышко миновали.

– Мой их не жалует. Говорит – карты не коммерческая игра, а приятное времяпрепровождение...

– Времяпрепровождение, – четко выговорил Архаров. – Но ведь заглядывают? Не может быть, чтобы не заглядывали и под тебя клинья не подбивали.

– Да на что тебе мои клинья?..

Архаров подумал, подумал – да и брякнул прямо.

– На Москве шайка шулеров завелась. Завозят ночью людей в какие-то дома, затевают игру по-крупному, грабят хуже налетчиков. И, Дуня, играют там под запись. Кто проигрался – вексель дает. Векселю тому цена, правда, медный грош – указ такой был... Но они, черти, видать, по-хитрому все обставляют, дома имеют благородный вид. Придется вылавливать. Так вот, коли услышишь, что кто продулся до кишков...

– А как это можно обставить по-благородному? – заинтересовавшись, спросила Дунька. – Может, и мне у себя так же завести? Мой денег не пожалеет! Мы и князя Волконского у себя принимали – мой говорил Михайле Никитичу, что тут у нас амурное гнездышко, князь много смеяться изволили!

– Как обставить?

Тут Архаров понял, что девка случайно навела на верную мысль.

Коли игра идет в грязном притоне – то от записи отречься можно запросто, а пригрозить, что притон будет разгромлен. Человеку с именем добиться такого несложно – взять да и приехать самолично с жалобой к обер-полицмейстеру. А коли игра идет в благородном доме на слово, с лицами чиновными и титулованными, чье слово на Москве много значит, то тут и без всякого векселя изволь платить.

Вельяминов мог не знать про указ – сопляк еще, запутали, запугали. Но даже всякий взрослый человек, что не первый год балуется картишками, может попасть в ловушку благородства и навесить на себя неподъемный долг чести. А теперь понять бы, кто им там это благородство своим ясновельможным присутствием обеспечивает... кто из московских аристократов нанялся к шулерам, будь они неладны...

Вот и прелестно, подумал Архаров, у них – ловушка, и у нас тоже.

Ежели в городе появится место, где по-крупному играют люди благородного звания, однако же шулерство по каким-то причинам невозможно, то вокруг того места начнут вертеться посланцы шайки, чтобы разнюхать, что да как, чем переманивают их дойную скотинку, потому что рискуют лишиться заработка... Именно те самые сукины сыны, которые образуют благородную часть общества шулеров... графья да князья, поди...

Архаров встал и потянулся. Затем надел и крепко подпоясал розовый кафтан.

– Собирайся, Дуня, – велел он. И вышел.

Никодимка околачивался поблизости. Архаров велел ему отыскать Устину, выдернуть из постели и отправить в кабинет, а одновременно – собрать на поднос кренделей, апельсинов, всяких заедок и доставить к дверям спальни, водрузив на стул.

Устина долго ждать не пришлось. Приплелся даже одетый – заново, вспомнив былые грехи, вычитывал перед образами допоздна молитвенное правило.

– Пиши, – сказал Архаров. – В Санкт-Петербург, в Главную полицию, как полагается, тут же отправишь к князю Волконскому, чтобы спозаранок послал со своим курьером.

И задумался.

Устин довольно долго глядел на него, ожидая слов.

– Надобно, чтобы они отыскили в Санкт-Петербурге французскую рулетку, – вдруг сказал Архаров. – Вот черт, надо бы это слово по-французски написать, а Сашка в деревне, Клаварош хрен знает где! Пусть отыщут и как можно поспешнее доставят в Москву, тайно. Рас-

ходы покрою. Изложи вразумительно, понял? Чтобы не приняли меня за бешеного. Напишешь, стукни в дверь спальни, только сам не лезь, я выйду и руку приложу.

Затем он отпер большую черную шкатулку, в которой хранил деньги, долго на них смотрел, наконец решил – деньгами нехорошо. А надо завтра послать Левушку в ювелирную лавку выбрать модные браслеты.

Вернувшись к Дуньке, он прямо на кровать поставил поднос.

– Угощайся и слушай. Заведешь у себя в доме большую игру. Я сам первый приеду деньги проигрывать. Среди товаровок раззвони – у нас-де теперь по-крупному играют. Тысячи на стол мечут, поняла? И... погоди...

Оставив Дуньку с лакомствами, он опять мелкой побежкой устремился в кабинет.

– Устин, припиши еще – пусть объяснение пришлют, как играть! Они-то уже грамотные, а мы тут сиволапые, опозоримся! Подробное, понял?

– Напишу «доскональное», – пообещал Устин.

– Ну-ка, прочитай, чего ты там навалял.

Навалял Устин невразумительно – и они долго ломали головы, как описать рулетку, которой оба ни разу в жизни не видели, словами. Сошлись на цифирном игровом колесе.

Устин сел переписывать письмо.

Архаров быстро вернулся к Дуньке и сел рядом.

– Чего-то ты пыхтишь, монкьор, – жеманно сказала она.

– Дунька, я тебя самой модной на Москве блядью сделаю. Слушай и не перебивай. Привезут к тебе в дом одну игрушку, что все карточные игры разом заменяет. И эта игрушка будет у тебя самой главной для гостей приманкой, поняла? Второй такой на Москве нет – так всем и говори. Всякую шваль не зови, а с большим разбором! Чтобы понимали – им честь оказана!

– Не блядью, а мартоной, – поправила Дунька.

– Кем?

– Мартоной. Так теперь называют.

– Может, Матреной? – усомнился Архаров.

– Мар-то-на, – четко произнесла Дунька. – По-благородному.

– Ишь ты. А скажи, Дуня, как это вышло, что ты вся в жемчугах и парче оказалась? Вряд ли твой сожитель тебя в Зарядье сыскал.

Дунька рассмеялась.

– А я в горничные нанялась, – сообщила она. – Марфа, пошли ей Господи здоровья и хорошего жениха на старости лет, место нашла. У госпожи Тарантеевой, что на театре Венер представляет. Она мне сказала: ты тут со мной пропадешь, зазря истаскаешься, а ты ступай-ка туда, где большие деньги крутятся. А у моей хозяйки как раз молодой любовник завелся, музыкант! А у нее сожитель об этом проведал!..

Дуньке страшно хотелось рассказать всю свою историю, достойную французского романа, где были и спрятанные под кроватями мужчины, и не вовремя твякающие постельные собачонки, и звонкие оплеухи, и поспешные переодевания, и ларчики с деньгами, и побеги из окон, и много иного. Но Архарову было довольно – суть он уже понял.

* * *

На следующий день Архаров встал довольно рано – Никодимка разбудил.

– К вашему милостям дамская особа!

– Какая такая особа? – первым делом он, понятно, вспомнил благодетельницу Дуньку. И подумал – надо же, не наигралась!

– Да Марфа! – уныло воскликнул Никодимка.

Архаров невольно улыбнулся – день начался неплохо, Марфа не с пустыми руками явилась.

Встретил ее по-свойски – в шлафроке.

– Ух, пока от Зарядья до тебя, сударь, добрела! Вели Никодимке кофею сварить. Погляжу, не забыл ли, чему я его, дармоеда, учила, – потребовала Марфа, войдя в кабинет. – Ну, одно тебе скажу – женить тебя пора! Жена в дому-то порядок наведет.

– Садись, Марфа Ивановна, в ногах правды нет, – предложил Архаров. – Я тебя не только кофеем попотчую – а чумные пироги помнишь?

Она рассмеялась.

Архаров вывалил на блюдо тех конфетов в нарядных бумажках, которые Левушка привез из Санкт-Петербурга. Они были недолговечны – желательно бы съесть поскорее. А когда ешь – поглядеть с изнанки бумажки, там непременно стишок.

Марфа, жуя, разобрала по складам свой:

«Он был тотчас
Пленен заразами твоих прелестных глаз».

– Нешто у меня, кроме глаз, больше ничего не осталось? – смеясь, спросила она. – Ты глянь, сколько округлости! А тебе, сударь, что досталось?

Архаров вынужден был прочесть нелепицу:

«Коли душу погублю,
То тебя я полюблю».

– Сечь таких шутников! – рассердилась Марфа. – Удумали – душу губить! Жить надо весело, да, но душу беречь... хотя ее скука пуще всякого соблазна губит... Никодимка, это у тебя кофей?! Пенку сам, что ли, слопал? Пеночка должна быть, сколько раз тебя учила, а сверху, над пузырьками, вроде масляной тоненькой пленочки!

Наконец дошло и до дела.

– Род Хворостининых на убыль пошел, и свелся он к немногим старикам, прямого потомства нет. Прасковья Хворостинина – вот тетка твоего Вельяминова. Хворостинина она по мужу, Вельяминова – в девичестве.

Все на ней сошлось, все к ней стеклось. Своих детей схоронила, есть внуки, но с внуками она в ссоре, и потому написала завещание на племянника Кирилу, а он ей даже не прямой племянник, а сын родного племянника. Коли и на этого озлится – опять все на внуков перепишет. Но Кирила ей угодил – красавчик, любезник, одет всегда как куколка! Лет ему восемнадцать, приписан к какому-то полку, но тетка дала кому надо денег – вот его в полк и не зовут.

– А многие ли про то знают?

– Да вся Москва!

Марфа еще кое-чего наговорила про Хворостининых, указала приметы недоросля – совпали, и замолкла. Никодимка догадался – сделал из бумаги фунтик, ссыпал туда оставшиеся конфеты. То есть, дал понять бывшей подруге: попила с барином кофею, пора и честь знать. Но Архаров еще кое-что вспомнил.

– Ты, Марфа, всю Москву знаешь. Со свахами, поди, дружишься.

– Я и сама сосватать не хвораю! А что, надумал-таки жениться, сударь? Так та вдова-то...

– Надумал, да не я. Как там у вас, у свах, Москва на участки не поделена?

Это была шутка, однако Марфа задумалась.

– А оно бы и неплохо – поделить... Так где ты себе красавицу высмотрел?

– На Воздвиженке. Кто из свах вокруг дома Шестуновой петли вьет?

– А я-то понадеялась! – с притворной печалью воскликнула Марфа. – А у тебя и тут – сыск. Сглупила княжна – нужно было отдавать, пока честью девку брали. Уперлась – и ни в какую! А теперь – ищи-свищи!

Осведомленность Марфы Архарова не удивила – на то она и Марфа. Он и не подумал подозревать Федьку.

– К этой беглой воспитаннице сватались четверо. Один в Санкт-Петербурге, ему я сам напишу. А есть еще такие... – Архаров взял листы, исписанные Устином, и с грехом пополам отыскал нужное место. – Бухвостов, Голятовский, Репьев. Поузнавай, кто таковы, только похитрому.

– А я иначе не умею, – кротко сказала Марфа.

– Может, эта девка давно уже у кого-то из них блудным образом живет.

– Голятовский, Репьев, Бухвостов, – повторила Марфа. – А по именам как?

– Кабы знал – сказал бы.

– Коли чего разнюхаю – или сама приду, или девчонку пришлю.

– Приходи сама, – пригласил Архаров. – Да, вот еще что. Помнишь, при тебе девка была, Фаншета, оказалась Дунька?

– Как не помнить! – Марфа даже улыбнулась. – А ты, сударь, не позабыл, поди, как она тебе тогда угодила?

– Знаешь, кто ее подобрал?

– Как не знать? Господин Захаров. И поселил у Ильинских ворот. Там всякого спроси – скажут, где дом Черкашина. Так чего еще надобно-то? Ты сразу говори, пока я не увялась. Ты не смотри на мои приятные округлости, я на ногу легка!

– Да знаю, заметил, – тут и Архаров невольно улыбнулся.

С этой неунывающей задирой, с этой восьмипудовой проказницей он чувствовал себя легко и без тревоги: она вроде и была женщиной, вроде и поглядывала порой зазывающе, однако простота отношений между ними, которую она установила сразу, ему почему-то нравилась.

Когда она ушла, Архаров осведомился о Левушке.

Сам он вернулся от Волконского не рано, а Левушка – еще позднее, уже когда убежала Дунька. Встретились за завтраком, причем завтракал один Левушка, Архарову хватило конфетов.

Архаров спросил, не нашлось ли той лавки, где недоросль Вельяминов пряжки для башмаков смотрел. Лавка нашлась.

– Только, Николаша, там я немного узнал. Тот мазурик, что увез недоросля, бывать-то частенько бывает, да знают о нем лишь имя, а кто таков – лишь догадываются.

– И что же за имя?

– Имя – Ларжильер. Вернее – де Ларжильер. Появился сразу после чумы. Как Ильинка оживилась, так и он откуда-то вылез.

– Каков покупатель?

– То-то и оно! – воскликнул Левушка. – Покупает мало! На это в первую голову жаловались! Сидит в лавке часами, тары-бары растабарывает, а купит – когда пудры баночку, когда пламперов пару...

– Чего пару?

– Не поверишь, Николаша, я их сам впервые увидел! Не французское, аглицкое изобретение. Никодимка! У меня в комнате, во вчерашнем кафтане, узелок в кармане лежит, нарочно купил показать, Спирька тебе даст, тащи сюда живо!

В узелке оказались две маленькие, с чуть приплюснутую сливу, подушечки из пробки, бязью, что ли, обтянуты, – Архаров и Левушка определить не смогли. Левушка, прополоскав рот кофеем, ловко засунул эти подушечки за щеки, отчего его физиономия сделалась – как

у гравированной и грубо раскрашенной красотки на дешевом лубке. Архаров звонко расхохотался.

– И вот этой дрянью они очень даже бойко торгуют! – несколько изменившимся голосом продолжал Левушка. – Берут же престарелые щеголи и щеголихи, у кого недочет зубов и щеки оттого провалились. А как сунут за щеку – то сразу и кожа гладкая, как у молодых, и никакого подозрения насчет коренных зубов!

– Выплювай, – отсмеявшись, велел Архаров. – Не то проглотишь!

Потом вздохнул и насупился.

– Заварили вы с Федькой кашу... Что такое было в записке доктору? В той, которую хозяйке не в руки ему отдала, а в дверь засунула?

– Да что там могло быть? Что поручик Тучков навещался по известному делу и просит, коли что, искать его на Пречистенке, в доме Архарова...

– Дурак, – тихо сказал Архаров. – Вот это его и погубило.

– Как погубило?

Левушка еще не знал о смерти доктора и о пожаре.

Архаров рассказал вкратце и завершил так:

– Кабы дело было только в амурах – обошлось бы без смертоубийства. Доктор о побеге что-то такое знал, что не с амурами, а с немалыми деньгами и именитыми людьми связано. Я и князю Волконскому сказал. Он не берется вразумить старую княжну, однако обещал ей написать и сделать внушение...

– Доктор непременно знал, кто девице помог бежать, – задумчиво произнес Левушка. – Однако диковинно, что из-за убийства дом подожгли. Должно быть, тот убийца – особа на Москве известная...

– Вот и я о том же толкую. Что это? Опять? – Архаров прислушался.

– Дождик, – глянув за окно, сказал Левушка.

– Дождик?! Ливень! Так и барабанит! Никодимка, чеши мне волосы, пора ехать должность исправлять. Ты со мной?

Левушка посмотрел на него с недоумением и обидой.

– А ты полагал, нет?

– Ну так собирайся. Как приедем – не забудь Устину или кому другому донесение продиктовать. Пусть и твои труды к делу подошьют.

На Лубянке они обнаружили Матвея Воробьева.

С запойным доктором произошла обычная история – Архаров предложил ему остаться в Москве, и Матвей согласился, полагая, что, избавившись от петербургских собутыльников, он начнет новую жизнь. Но московские собутыльники завелись тут же и оказались ничуть не хуже.

Захар Иванов отыскал Матвея в непотребном состоянии. Но было не впервой – он знал, где лежит Матвеева укладка со всяким врачебным прикладом, и привез доктора на Лубянку таким, каким нашел, даже не пытаясь как-то протрезвить.

Шварц для таких случаев – что привезут человека не низкого звания, не шибко виновного, и нужно его несколько времени поддержать, – имел особую каморку с прочным запором. В той каморке были топчан, покрытый тюфяком и одеялом, стол и стул, а окна не было вовсе. Зато у двери стояло судно, которое арестанты непонятно с чего принялись звать женским именем «параша». Туда и засунули Матвея, здраво рассудив, что до утра от голода не помрет, и жестоко оставив его без опохмелки.

Поэтому доктор, выпущенный на волю, был весьма сварлив.

– Что? В покойниках копать?! Николашка, да ты сдурел!

– Нужно знать об этом подлеце поболее, – терпеливо повторял Архаров. – Ежели его гнусное рожество решили огнем попортить, и для того целого дома не пожалели, значит, чело-

век на Москве видный, многим известен. И, сдается мне, известен под благообразным видом католического патера. А тут, извольте радоваться, прихвачен с ножом в руках над свеженьким трупом. Матвей, добром прошу! Не то... ты меня знаешь!

– Ты у нас известный архаровец! – согласился Матвей. – Опохмелиться дашь?

– Так ведь опохмелишься в зюю – и никакого с тебя проку!

– Нет. Я свою пропорцию знаю.

– Оно по тебе и видно...

Архаров искренне надеялся, что переезд отведет приятеля от запоев, и огорчился, видя неудачу затеи.

Сторговались на кружке пива, за которой был послан прибившийся к Лубянке мальчишка Макарка, употребляемый на побегушках. Платил ему Архаров из своего кармана. Сбегать поймать извозчика, отнести записку, притащить из лавчонки бумагу, перья или сургуч – тут он был незаменим, и Шварц даже как-то подарил ему пряник.

– В вознаграждение за добродетель, – сказал Шварц. – Коли преступление карается, то добродетель непременно должна быть вознаграждаема. Никто из вас не замечает Макаркиного старания – придется вознаградить мне.

И даже намечал обучить Макарку ремеслу.

Тут Архаров возмутился – не хотел делать из мальчишки кнутобойцу. Но оказалось, Шварц совсем не то имел в виду.

– Нам могут понадобиться люди для наружного наблюдения, – объяснил он. – Выследить кого Тимофея не пошлешь – его за версту видать. А мальчик незаметен и скор.

Этот самый Макарка доставил доктору пиво и две воблы. Приведя себя в чувство, доктор отправился в мертвецкую при съезде двора, а Архаров занялся иными делами.

Вскоре Матвей явился.

– Есть ли что? – спросил Архаров.

– Немного. Лет твоему покойнику за сорок, может, и все пятьдесят. Черной работой не занимался.

– Ежели по ногтям судить – был землекоп.

– А по ладоням – нет. Ладонки у него мягкие, без мозолей. И не бит никем ни разу, и зубы почти все целы... – тут Матвей протянул через стол нечто желтоватое и совершенно неизвестной Архарову формы.

– Кость ты из него, что ли, выломал?

Матвей расхохотался.

– Эту кость не с моими силенками выламывать! А разве всем Рязанским подворьем навалиться! Слоновая это кость, Николаша. И не мучайся – все равно не догадаешься. Накладные зубы.

– Что-о?!.

Архаров страх как не любил показывать свою неосведомленность и обычно сдерживал удивление. Но тут уж никак не мог, да и одно к одному слепилось – Левушкины ламперы с этим новоявленным изобретением.

– А что слышишь. Накладные волосья есть, накладные титьки и задницы есть, вот до зубов человечество додумалось. Я раньше про такие только слышал, а вот сподобился и увидеть.

– А как же держатся?

– А вот, – Матвей надел костяное диво на палец. – Так вот насаживаются, схватывают и цепляются. Из чего делаем вывод – человек не простого звания. Для чего-то ему нужно было улыбкой блистать. А у щербатого что за улыбка?

– Впервые вижу, чтобы духовное лицо о своей улыбке беспокоилось... – недоумевая, сказал Архаров. – Хотя щербина – примета...

– И это еще не все...

Тут в дверь архаровского кабинета постучали, и тут же всунулась голова Устина.

– Ваша милость, тут со странным делом пришли.

Для случаев воровства и мелкого разбоя были у Архарова полицейские сыщики, к которым сразу и адресовались жалобщики. Хотя и сам он не брезговал докопаться, кто унес тюк белья у бедной вдовы. Делал это еще и затем, чтобы поучить людей своей методе – внимательному вглядыванию в лицо подозреваемого и подмечанию мелких примет вранья. Но никому, кроме него самого, такие штуки в полной мере не удавались.

«Странное дело» означало, что пришли не с кражей и не с чьим-то пьяным буйством.

– Зови. А ты, Матвей, погоди малость.

Вошел молодой мужчина, одетый скромно, без шпаги, поклонился, перекрестился на образ Николая-угодника.

Лицо простое, округлое, лицо человека трудящегося, не бездельника, взгляд настороженный, чего-то трудящийся человек боится.

И даже известно, чего боится. Увидел хмурую личность обер-полицмейстера, встретил его взгляд исподлобья, малопривычный взгляд – как оно и бывает, когда одна бровь нависает ниже другой, а одно веко чуть толще другого.

Устин вошел следом, готовый записывать все, что скажут. Архаров, довольный таким рвением, указал ему на столик сбоку, обычное место писаря. Устин сел и положил перед собой бумагу.

– Добрый день вашему сиятельству, – сказал мужчина неуверенно. И то – попав в кабинет на Лубянке, не сразу и придумаешь, с чего начать.

– Представьтесь, сударь, – почти любезно предложил ему Архаров.

– Я номера держу в Замоскворечье, в Кадашах, а прозванием Черепанов Илья, – пытаюсь соблюсти достоинство сообщил посетитель. – А прибыл сам к вашей милости, не человека за полицией послал, потому, что дело, сдается мне, шума не терпит... такое вот дело...

И показал глазами на Матвея.

– Это наш полицейский доктор, – объяснил Архаров. – Служит тут. Говорите, сударь.

Узнав о том, что он служит, да еще в полиции, Матвей невольно приоткрыл рот. И тут же захлопнул.

– Мы, Черепановы, держим номера еще с большого пожара.

Больших пожаров на Москве было не счесть, может статься, Черепанов имел в виду тридцать седьмой год, когда от упавшей перед образом свечи порядочно выгорели и Кремль, и Китай-город, и Белый город; может статься, сорок шестой – тогда и на Пречистенке двадцать два дома и три церкви сгорело.

– У нас всякая публика останавливается, и купцы, и духовное звание. А такого, чтобы титулованное лицо – врать не стану, еще не было.

– Что за лицо?

– Сказалось гвардии офицером... – как-то смущенно отвечал содержатель номеров. – Насчет прозвания они просили не беспокоиться...

– Стало быть, пустил ты человека, – сразу избавившись от уважительного тона, перебил Архаров, – беспаспортного, неведомо откуда, какого-то мазурика!..

И замолчал. По глазам Черепанова прочитал, что не до выговоров сейчас.

А тут и Матвей вступился.

– Да что ты, Николаша, буянишь? Вот как раз клевые мазы и шуры и ходят все с паспортами! С новешенькими! Мало ли паспортных бланков из Сенатской типографии крадут! Да мешками!

– Он точно гвардеец, – сказал Черепанов. – Денщик при нем, сейчас у меня сидит под замком, злой, то ревет, как теленок без мамки, то рычит, как цепной пес. А он сам, прости Господи, пулю себе в рот пустил. Затылок разнесло, личико...

Тут Черепанов сглотнул сбитый судорогой в горле ком, но легче ему не стало – лицо застрелившегося гвардейца, видать, как возникло перед глазами, так и не уходило...

– ... личико почти цело... кровь в подушку ушла...

– Господи-Иисусе! – с неподдельным ужасом воскликнул Устин.

Архаров тяжело задумался.

Самоубийцы на Москве попадались редко. Народ все больше православный, что такое смертный грех – понимает. Чтобы гвардеец – и вдруг застрелился? Такого быть не должно. Однако Черепанов не врет – выстрел в рот имел место. Гвардеец – значит, узнав про беду, может встрепетаться высокопоставленная родня...

– Что же, поедem посмотреть твоего грешника, – решил Архаров. – Но с чего ты взял, будто это дело надобно сохранять в тайне?

– А вел он себя диковинно. Прожил недели две – то не ночует, на рассвете явится, то кого-то у себя тайно принимает, так и смотрит, чтобы ни с кем тот человек не встретился. Сперва, как приехал, довольный был, веселый, в последние дни – будто заживо в аду оказался. Носился где-то, весь почернел. И от хорошей жизни такого не сотворишь, прости, Господи, его душу грешную...

– Хорошо, ступай, подожди там, я тебя в своей карете довезу, – подумав, решил Архаров. – Устин! Сыщи Федора. Скажи – со мной поедет!

Федька сыскался в обществе Левушки – сидели в уголке, обсуждали вчерашнее. Вдвоем и пришли к Архарову, который сцепился спорить с Матвеем: Архаров утверждал, что нет такой причины, от которой себя жизни можно лишиться, не сотворил ее Бог, Матвей же почему-то взялся возражать: коли человек так болен, что уже сам себе в тягость, и ближние от него намучались, так ведь разумно будет их от себя освободить. Архаров назвал приятеля нехристом, тот еще как-то отругнулся, и оба были страшно довольны, что есть кому прервать такую милую беседу.

– Матвей Ильич! – закричал с порога Левушка. И тут же полез обниматься.

– Уймись, уймись, – попросил Архаров. – Не до нежностей.

– А что это у тебя, сударь мой? – спросил Матвей, тыча пальцем в металлический ободок миниатюры, что так и висела на Левушкиной шее. – Невестой обзавелся?

– Какая там невеста! Из дому сбежала, архаровцы ее ищут. А я думаю, давно она в Петербурге, может, уже и замуж выскочить успела, такие красавицы в девках не засиживаются, – Левушка потянул ленту, вытащил портрет и показал Матвею.

– Ну, я тебе как доктор скажу, коли мазилка не соврал... В девках-то, может, и не засиживаются, да и на земле не заживаются. Легочная болезнь у твоей красавицы. С того такая тощенькая да румяная. Первая же простуда ее надолго уложит.

Федька невольно прислушался.

Легочная болезнь... не к ночи будь помянута!..

Он вдруг затосковал. Не может умереть такая красавица! Не должна! Сам бы за нее костями лег! И это было бы даже справедливо – он, Федька, уже много бед натворил, ему и пострадать полезно, а ей-то за что?..

Архарову, пока Матвей дулся, а Федька душой на тот свет вместо Вареньки Пуховой просился, доложили, что карета подана.

– А ты, Матвей, возьми-ка накладные зубы и поузнавай по докторам, чья работа, – попросил Архаров.

– Я тебе и сам скажу, что нездешняя. Разве в Петербурге такое мастерят. И то вряд ли.

– Пospошай, пospошай!

– Да куда я потащусь – такой? – пробовал было отнекаться Матвей.

– Куда? Сперва с нами поедешь, – решил Архаров. – Докопаться надо – точно ли этот грешник сам себе в рот выстрелил, может, злодеяние.

Левушка, кстати, не имел намерения ехать смотреть на самоубийцу. Федька – тот получил приказ вместе с начальством производить дознание. Левушка приказов не получал – он не был подчиненным Архарова. Да и Матвей до сего дня – тоже, а только иногда выполнял просьбы. Но как-то так образовалось, что в карету они вколотились целой компанией – на заднем сидении Архаров с Левушкой, на переднем Матвей с очень смущенным Черепановым, там же примостился Федька – дождь лил, как из ведра, и сажать его к Сеньке на козлы Архаров не пожелал – у Сеньки для таких случаев епанча чуть ли не просмоленная, выдержит всемирный потоп, а Федька – в одном мундирчике.

Поехали в Замоскворечье. Не езда – горе: дождь лил с утра, улицы поплыли, в иных местах колеса вязли чуть не по ступицу. Это было вечное московское недоразумение – и старожилы охотно показывали места, где прошлой осенью соседская свинья в луже утонула.

Номера оказались не так уж далеко, за Воскресенским храмом, поблизости от старого Кадашевского монетного двора, и Матвей пошутил: знал Черепанов, где селиться.

Черепанов повел наверх, в коридор, куда выходили двери, числом более десяти. У одной сидела на корточках девка, что-то шила.

– Поди, Анютка, – сказал Черепанов. – Вели хозяйке на стол накрыть.

Он большим ключом отпер дверь – и Архаров, войдя, даже не сразу увидел тело, оно лежало на постели и было загорожено стулом.

– Извольте, – сказал дрогнувшим голосом Черепанов.

– Это ты его уложил? – спросил Архаров.

– Он сам лег. Готовился, значит. Ваше сиятельство, я его не убивал...

– Знаю, что не убивал. Ну, с Божьей помощью...

Архаров шагнул к постели, отодвинул стул, на котором висел простой черный кафтан, нагнулся... и выпрямился.

– Тучков, – позвал он. – Или я совсем с ума сбrel, или...

Не успел он договорить, любознательный Левушка оказался рядом, посмотрел – и ахнул, и прикрыл рот ладонью, и откачнулся назад.

– Что за притча? – удивился Матвей, отстранил Левушку, глянул – и неожиданно для всех широко перекрестился.

– Господи, да что же это делается? – спросил он. – Я же с ним на той неделе штофчик распил...

– Ты знал, что он в Москве? Знал? И не сказал? – напустился на Матвея Архаров.

– Да в чем дело-то? Я-то тут при чем?

Тут Архаров понял, что Матвей действительно ни при чем, и повернулся к Федьке.

– Федя, это знаешь кто? Это ее императорского величества гвардии Измайловского полка поручик Фомин... Помнишь? Тогда, осенью...

– Записка, – вдруг сказал Левушка. – На столе. Можно, я возьму?..

Левушке случалось видеть и убитых, и умерших от чумы, и раненых его же собственной шпагой. Самоубийцу он видел впервые, и зрелище смерти, добровольно избранной, ему оказалось не под силу – он растерялся и очень хотел оказаться где-нибудь подальше. Хуже того – он испытал совершенно беспричинный страх. И ему было необходимо, чтобы Архаров что-то стал делать и заставил трудиться всех. Тогда на душе несколько полегчает – выполнение приказов очень этому способствует.

Он знал, что читать Архаров все равно заставит по привычке именно его, и попросил о приказе.

– Читай вслух, – сказал Архаров, подтащил стул к постели, сел и стал смотреть в лицо красавцу и доброму малому, истинному гвардейцу, Петру Фомину. Как будто просил: да объясни же ты, что стряслось?!

– «Не могу длить свое постыдное существование. Обещаний, данных известным особам, не сдержал, а только вверг в беду. Не от пули, а от стыда умираю, иного пути для себя не вижу. Лишь смертью своей могу поправить дело. Молитесь за меня, коли хватит духа», – прочитал Левушка. – Господи, спаси и помилуй, что это на него нашло?.. И подпишись... полностью, со званием...

– Потому я и знал, что гвардеец, – тихо сказал Черепанов. Матвей похлопал его по плечу: да никто тебя не винит, и правильно ты рассудил – в таких записочках про себя врать негоже...

Архаров, пристроив локти на широко расставленных коленях, нагнулся и смотрел в лицо мертвому. Лицо все еще ничего не сообщало. Однако он знал Фомина давно. Помнил его юным красавчиком еще в шестьдесят втором, когда измайловцы первыми поднялись возводить на трон государыню Екатерину. Помнил его в приснопамятном московском семьдесят первом. Помнил кое-что из его проказ – амурного толка были проказы, но случалось и кутить в одном благородном обществе. Помнил... да...

А вот кое-что вспомнилось кстати...

Архаров как-то, уходя, оставил честную компанию за картами, а было это уже крепко полночь. Играли в фараон – тогда вся столица в него, обезумев, денно и ночью сражалась. Утром узнал – Фомин бился, как лев, и выиграл какие-то бешеные деньги, после чего его в полку недели две не видели и не слышали.

Игрок. И яростный.

Неужто и этот неведомо кому проигрался?

– Читай еще раз, – велел он Левушке.

Он хотел услышать знакомый фоминский голос. Он хотел, чтобы лихой гвардеец, добрый товарищ, СВОЙ, заговорил с того света Левушкиными устами и к написанным словам прибавил еще что-то...

Не получилось.

Все то же – «не от пули, а от стыда»...

Архаров умел брать себя в руки. Как Шварц учил? Обстоятельства – прежде всего. Обстоятельства узнавать сразу, пока обстановка не нарушена и люди что-то помнят. Его бы сюда...

– Кто обнаружил мертвое тело? – спросил Архаров тихо. – Да ты не бойся, сударь, отвечай. Мы его и без паспорта все знаем.

– Горничная... Он денщика с запиской отправил, тот – за дверь было, да дождь припустил, он остался в сенях, а там случилась наша Марьюшка. Дело молодое, остановились, амурничают, пока ливень потише станет. Тут грохнуло. Все забеспокоились, побежали смотреть. Она быстрее всех оказалась. Позвать?

– Не надо.

Архаров не любил допрашивать баб. Околесицы много, толку мало, а если еще и слезы...

– Денщик где? – спросил он.

– Заперли, сперва орал, теперь ревет белугой.

– Тащи сюда.

– Не дури, Николаша, – сказал Матвей. – Тут он еще пуще разревется. Пусть нас в другое помещение проводят.

– Твоя правда. Черепанов, отведи нас куда-нибудь.

– Моя хозяйка в горнице накрыла, чем Бог послал, не откажите.

– Да уж не откажем! – оживился Матвей. – Надо же помянуть.

И опять похлопал хозяина по плечу, показывая: обер-полицмейстер суров, да тебе ничто не угрожает.

Накрыто было без затей: водка по стопочкам, черный хлеб, сало, солонка.

Только было выпили, крикнули, закусили, влетела Марьюшка.

– Сбежал Степан-то! – доложила хозяину.

– Как сбежал?

– Христом-Богом – не знаю, а дверь открыта!

– Ступай-ка сюда, – велел Архаров, но девушка, повернувшись к нему, ахнула и попятилась.

Почему-то схватилась обеими руками за большую розовую косынку, что перекрещивалась у нее на груди, завязываясь сзади, и принялась ее натягивать, закрывая от сурового барина кусочек обнаженного тела.

– Делай, что велят, – приказал Черепанов.

– Господи, спаси-сохрани, а не виновата я, я его не выпускала...

– Может, в окно ушел? – предположил Левушка.

– Окно-то закрыто? – передал девке вопрос Черепанов.

Она ахнула и кинулась прочь.

– Выходит, в окно. Но какого черта? – спросил всех Архаров.

– Его же покойник с каким-то письмом посылал, – напомнил Федька.

Архаров задумался. Это был не амурный билетик, как называли петербургские щеголихи любовные записочки. Человек, собравшийся стреляться, может, конечно, послать любовнице последний поцелуй, да только денщик, узнав про смерть хозяина, вряд ли кинется доставлять такую дрянь по назначению, да еще с прыжком в окошко.

Послали за Марьюшкой Анютку, привели. Нет, девушка не врала, – Степан не говорил ей, кому адресованы письма, их было два, сама же неграмотная, прочитать не могла... да и конверты лежали, поди, за пазухой или в глубоком кармане...

Степан был просто необходим – он единственный мог бы сказать, что из хозяйского имущества пропало за время московского вояжа. Гвардейцы щеголяют дорогими перстнями, табакерками, шпажными эфесами, башмачными и иными пряжками, да и платок, что кладут в карман, у иного не дешевле башмаков...

Все же Архаров спросил Марьюшку – не жаловался ли денщик на хозяйскую расточительность.

– А чего тут жаловаться, он привычный. Барин и в Петербурге проигрывать до подштанников изволили, потом отыгрывались, и тут у нас, дорогую табакерку отдавали в заклад...

– Не от пули, а от стыда, – повторил Архаров слова, что застряли в голове.

– До подштанников – это по-гвардейски, – согласился Матвей. – Ну так не в первый раз. А что он отыгрываться любит – это всем известно. А на сей раз, видать, не получилось.

– Он же опытный игрок! – воскликнул Левушка.

– Нашлись поопытнее, – сказал Архаров, чувствуя при этом, что его рот как-то нехорошо дергается и кривится. – Играл под запись, на честное слово, дал векселя на немыслимую сумму, как наш недоросль Вельяминов, стал отыгрываться – еще хуже вышло...

Федька насторожился – вот точно то же самое стряслось, и тоже горемыка за пистолет хватался, и те же слова звучали. Он подошел поближе к Архарову – тот заметил, но молча одобрил.

– Так нет же в суде веры таким векселям! – Матвей все еще не понимал, что творится.

– При чем тут суд? Коли бы ты с князем Волконским на честное слово играл – заплатил бы? А? До суда бы дело не довел?

– Так то с князем!

– Ну так и он не с простыми людьми, видать, играл, коли все в честь уперлось!

– Вельяминов! – тут только до растерявшегося Левушки дошла связь двух несчастий.

– Шайка! – единственным словом отвечал Архаров. – Думаешь, Тучков, только эти двое? Врешь! В Москве богатых дураков много! И способ придумали! Кого – на Ильинке подцепят, кого... я не знаю где! И ведь им платят! Дворяне – мазурикам платят! Боятся стыда и платят! И не выследишь их, потому что все молчат и молчать будут!

– Не от пули, а от стыда, – теперь уж эти слова повторил Матвей.

– Да что же это такое?! – в отчаянии воскликнул Федька. – Да они же, как крысы! Подкопались, забрались – и жрут! Куда ни ткни – крысы!

– Не вопи, – одернул его Архаров. – Твоя должность такая, что...

Он хотел сделать строгое внушение, на манер Шварцевых, но вдруг вспомнил Марфу и что-то этакое, с крысами и с ней странным образом связанное... услышал ее хитроватый голосок...

Еще при первом знакомстве она, сразу в Архарова поверив, рассказала ту причудливую басенку Ваньки Каина – то же самое была в начале басенки, та же беда... Забрались крысы в амбар и никак их не извести...

– Они – крысы, а ты – кот! – крикнул Архаров, безмерно довольный, что вспомнил главное.

– Мало ли крысы кошек загрызли?

– Они – крысы, а ты – кот, – повторил Архаров. – Вот и вся наука.

И тогда лишь басенка ожила – и образовался, как живой, рыжий котишка, вся победительная сила которого была в убеждении: они – крысы, а я – кот. Стало быть, по закону природы я обязан их одолеть. И они, сволочи, это знают!

Тут в душе проснулось веселье.

Архаров знал за собой эту способность к злomu веселью, знал – но старался воли ей не давать. Очевидно, о ней догадывался Шварц – судя по тому, что он избегал присутствия Архарова на допросах самых закоренелых преступников. Допрос должен быть делом спокойным и скучным, чтобы одна эта тяжкая неотвратимость скуки и унылого повторения одних и тех же вопросов действовали на злодея угнетающе, а если явится некто, сгорающий от азарта, то следствию будет вред – преступник воспарит душонкой и еще хуже закаменеет в своем упорстве.

Лишь тот, кто несколько лет служил с ним в одном полку, как Левушка, знал эту архаровскую особенность: говорить чуть медленнее, ронять слова чуть увесистее, чем обычно, именно потому, что внутреннее нетерпение уже полыхает и огонь рвется во все щели.

– Черепанов, дай бумагу, чернильницу, перо, – сказал Архаров и подвинул в сторону пустые стопки. – Тучков, садись. Пиши. Тебя как, Марьей звать?

Она кивнула.

– По прозванию Петрищева, – подсказал Черепанов.

– А денщика того?

– Степаном звали, – опять подсказал Черепанов.

– По прозванию?

Тут все разом посмотрели на Марьюшку. Она пробормотала невнятицу. Переспросили и добились: вроде Канзафаров.

– Из татар, что ли? – любопытствовал Матвей, но Архаров любопытства не одобрил и не поддержал.

– Барин часто посылал его с письмами?

– Часто, – подумав, отвечала Марфа.

– К кому – денщик не сказывал?

– К копыту... И вчера вот тоже к копыту, а потом еще одно письмо...

– К кому?..

Архаров недостаточно прожил на Москве, чтобы изучить все причудливые прозвища.

– Не во гнев будь сказано, князь Горелов-копыто, – объяснил Черепанов.

– Горелов? – переспросил Матвей. – Николаша, ты его должен помнить по шестьдесят второму. Серж Горелов, ну?

Архаров задумался.

– Тот, который барабан проколол?

– Он самый.

– Вон он где!

– Кто это, Матвей Ильич? – спросил любознательный Левушка, а Федька хоть и молчал, однако все мотал на ус.

– Офицер один, когда гвардия поднялась, не пускал солдат государыне Екатерине присягать, дрался, полковой барабан отнял и проколол. Тем его офицерская карьера и кончилась.

– Так разве ж такие были?!

Левушка имел в виду: неужто в июне шестьдесят второго, когда вся гвардия отвергла несуразного царя Петра Федоровича, дружно встала за Екатерину и возвела ее на престол, нашелся хоть один дурак, пытавшийся воспрепятствовать?

– Еще и не такие были, – сказал Матвей. – Потом он сгоряча в отставку подал. Ну, конечно, куда ж ему еще деваться, как не в Москву? Тут всякого недовольного пригреют.

Левушка задумался. Про Петра Федоровича он знал крайне мало – и из сведений образовался малопривлекательный образ государя-предателя, который в бытность великим князем военные секреты собственной страны пересылал обожаемому им прусскому королю Фридриху, с коим Россия как раз в те годы воевала. Став после смерти Елизаветы царем, Петр тут же с Фридрихом замирился, чем вызвал великое неудовольствие армии и гвардии – ведь победа уже была, почитай, в руках! Однако, выходит, были и у него свои поклонники...

– А с чего копыто? – спросил Архаров. В Петербурге князь такой приставки к фамилии не имел.

– Бог его знает. И дед, и дядя были копытами, – отвечал Черепанов и даже развел руками, показывая: он за странное прозвище не в ответе, с Москвы спрашивайте.

– Устин, про копыто не пиши. Часто ли барин посылал к князю Горелову?

– Не раз посылать изволили. Однажды деньги посылали.

– Карточный долг! – воскликнул неумный Левушка.

– Может, так, а может, и нет. К кому еще?

Марфа вспомнила про лавочника, который по записке продал каких-то нужных в хозяйстве мелочей, чулок и шнурков. И еще вспомнила: некоторые письма Степан доставлял в какую-то модную лавку на Ильинке...

– Вот черт, все на Ильинке сходится, – буркнул Архаров. – Устин, ты пиши, пиши...

– Немало мужей через ту Ильинку обзавелось преизрядными рогами, – заметил Матвей. – Может статься, наш Фомин с любовницей таким манером переписку имел.

– Он к воспитаннице княжны Шестуновой сватался, – напомнил Левушка.

– Одно другому не помеха.

Федька невольно фыркнул.

Потом Черепанов объяснил, где проживает князь Горелов-копыто. Архаров решил ехать к нему сразу же – может, там и удастся поймать беглого Степана. Левушку взял с собой. Как-никак, преображенец, гвардеец, СВОЙ. Глядишь, и пригодится.

Матвей и Федька остались в номерах, в горнице Черепанова. Пришла его жена, пришла теща, прослезились, стопочки как-то сами собой наполнились. И разговор зашел о деле малопривлекательном – о похоронах.

Матвей был за то, чтобы дерзким образом солгать священнику. Самоубийцу могут даже отказаться отпеть, а уж о месте на кладбище и не мечтай – велят закопать за оградой да еще и присмотрят, точно ли тело закопано.

Федька, осмелев от выпитого, стал противоречить. Ни один поп не поверит, что злоумышленники так метко выстрелили жертве в разинутый рот. Кабы хоть в сердце себе попал Фомин – еще можно было бы врать и выкручиваться. А тут – грех налицо.

– А есть старцы, которые благословляют молиться за самоубийц келейно, – сказала теща. – Совсем не молиться тоже нельзя.

Беседа зашла о всевозможных покойниках, Матвей пустился рассказывать случаи из своей докторской практики, а за ним уже числилось немалое кладбище. Наука наукой и знания знаниями, а не всех удавалось спасти.

Тут Федька из-за стола удрал.

Он стоял у окна, глядел на дождь и тосковал.

Все-таки он был еще очень молод – правда, постарше Левушки, но изрядно моложе Архарова. Если бы не пьяная драка – жил бы себе в Твери, старшие женили бы его во благовремение, сейчас росло бы дитя, а то и двое. Но он неожиданно для себя стал архаровцем.

– Я вас, дураков, в люди выведу, – сказал Архаров, когда в отчаянии представлял всю свою команду графу Орлову. Иного пути спасти своих людей от тюрьмы и каторги он не видел. Конечно, они получили бы какие-то послабления, но – в разумных пределах, он же хотел неразумного – чтобы служба в моргусах и охота на мародеров были им зачтены как искупление былых грехов. И ему это удалось.

Федька знал, что его выводят в люди. Он боролся за свою ступеньку на человеческой лестнице со всем задором молодости, и радовался безмерно удачам, и горько страдал от неудач, потому что в нем не было любимого Архаровым качества – спокойствия.

Даже в суматошном Левушке этого качества было поболее, чем в Федьке. Просто Левушка выкрикивал то, что сию секунду приходило в голову, и потом ему не было нужды суетиться. Федька же выкрикивать не мог – архаровский кулак очень способствовал тишине и деловитости на Лубянке. Но случалось... А вот сейчас и не заорешь благим матом – слов таких нет, чтобы их проорать.

Милое грустное лицо выступало из туманного полумрака, обычного для портретистов полумрака, экономящего время художника и придающего всякому, изображенному на портрете, некое вечернее состояние души. Точно ли беглая Варвара была грустного нрава? Точно ли определил Матвей легочную болезнь? А коли так – она помчалась прочь из шестуновского дома, чтобы успеть вкусить хоть малость того меда, в котором ей так упорно отказывала старая княжна. Вырваться, примчаться к любимому, взять все, что успеешь, – и умереть! Не угаснуть, а разом! На вдохе, на взлете души!..

Федька вдруг понял, каково это, и сам захотел себе такой же судьбы – не со ступеньки на ступеньку, потихоньку вверх, а взлететь в безумии – и, сгорев от счастья, рухнуть вниз.

А дождь все никак не унимался, и его мерный шум еще больше способствовал зреющему беспокойству. Федька чувствовал: еще немного – и он полетит, помчится, чего-то такого натворит, что чертям в аду станет тошно.

И кинет к ногам красавицы свою жизнь, и разделит с ней смерть... ох, как ему сейчас этого хотелось...

Поэтому, когда подошел черепановский дворник в старой епанче с широкими рукавами и предложил сбегать за извозчиком, Федька глянул на него дико – как глядит человек, извлеченный из звездных миров, исполненных высокой страсти, на мир, куда поневоле падаешь, плохо понимая, зачем он такой нужен.

* * *

Как разговаривать с Гореловым-копытом, Архаров не знал. Левушка тоже. Они просто рассчитывали, что он, хоть и в отставке, хоть и сбежавший дуться в Москву, все же СВОЙ. Опять же, это благородно – коли ты так был привержен покойному монарху, не признать нового двора, а сохранить верность сюзерену.

– Кому? – спросил Архаров.

– Государю, повелителю, – объяснил Левушка рыцарское слово.

Этого безупречного вассала они по случаю дождя обнаружили дома.

Князь оказался высоким статным мужчиной лет сорока – Архаров сообразил, что он мог бы быть ровесником покойного Петра Федоровича. Одет был не по моде, да и неряшливо, и явно не ждал гостей – не был причесан и напудрен. Левушка разлетелся было по-французски – князь с нехорошей важностью отвечал по-немецки. Тогда Архаров кратко по-русски изложил цель визита.

– Господин Фомин действительно проиграл мне в карты два империала и прислал деньги со своим человеком. Более переписки между нами не было, – сказал князь, даже не полюбощав, с чего это обер-полицмейстер расспрашивает его о делах гвардейца Фомина.

– А сдается, вы, сударь, запомятовали, – отвечал на это Архаров.

Прежде, чем признаться в отсутствии переписки, князь сделал легонькую такую паузу и посмотрел на пряжки своих башмаков. Кабы так поступил, скажем, Левушка, Архаров бы поверил – сие означало бы поиски в глубинах памяти еще каких-то сношений с человеком, о коем спрошено. А у князя взгляд служил явственным признаком вранья.

– Нет, не запомятовал, господин полицмейстер, – сказал князь. – А коли дворянин обвиняет другого дворянина в бесстыжем вранье, так на то у нас шпаги есть.

И приосанился этак задиристо, глядя с вызовом. И точно – в шпажном бою Архаров был ему не соперник, князь прекрасно видел явную непригодность обер-полицмейстера к этому занятию.

Возможно, Архарову все же удалось бы неторопливо и спокойно развязать язык этому наглецу и даже добыть от него важные сведения. По крайней мере, установить, куда ли удрал денщик Степан с последним посланием своего горемычного барина.

Но вмешался Левушка.

Нельзя сказать, что у преображенцев была в обиходе трогательная забота друг о друге. Ни Архаров Левушку с ложечки кашкой кормил, ни Левушка ему в нежных чувствах изъяснялся. Но офицеры, которые вместе школят солдат на плацу, проводят стрельбы, ездят в манеже и машут шпагами у одного фехтмейстера, много друг про друга знают. Вот так и Левушка знал, что ноги у старшего товарища, может, и сильны, да коротковаты и неспособны к быстрым прыжкам, что и рука крепка, да кисть малоподвижна.

А в князе он сразу увидел зловредного противника.

Бойца, истосковавшегося по склоке и настоящему бою, фехтмейстер не в счет, ему за это деньги плачены...

Он угадал – князь Горелов-копыто, сбежав в Москву и устав ждать за приверженность свою к покойному императору каких-то несусветных кар, возвращаться в Санкт-Петербург незванным посчитал ниже своего достоинства, а от скуки и от великого недовольства стал каждый день заниматься с французом, которого прихватил с собой из столицы. И ему безумно хотелось хоть как-то уязвить весь тот мир, что, будучи им брошен, и его, в свою очередь, беззаботно вычеркнул из списков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.